

ПАЛАНТИР

Журнал
Толкиновского общества
Санкт-Петербурга

апрель 2016

Толкиновское Общество
Санкт-Петербурга

объявляет о проведении

МАЛОГО ТОЛКИНОВСКОГО СЕМИНАРА

23 апреля 2016 года

Приглашаем к участию!

Заявки на доклады принимаются до 13 апреля

Инициативная группа: Ника Лаубе, Мария Семенихина

Регистрационная форма и подробная информация о семинаре представлены в почтовой рассылке. Чтобы получить её на свой e-mail, пишите на minor.ts.2016@gmail.com.

В НОМЕРЕ :

От редакции	3
Макдуг (Эрандил, Алексей Семёнов).	
Письма Эрандила. (<i>собраны и подготовлены М. Семенхиной</i>)	4
Отрывок из баллады о Берене и Лугиэнэ	18
Мифопоэтическое пространство в литературе XX века	19
Королева сидов	42
Степь. Ночь	44
Теория Л.Н. Гумилева применительно к истории Средиземья	46
The Hoagwell Bridge	68
Журчит ручей торопливый	69
Баллада	70
Уход из детства	71

Обложка и оформление — Моргул

ПАЛАНТИР**№72 апрель 2016**

Palantir®
Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга

Этот номер для вас сделали:

Золтан Бардинг, Мария Семенхина, Моргул

e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright © 1997–2016 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятые в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и келли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Qenya и Tengwar Sindarin Дэннела Стивена Смита.

УХОД ИЗ ДЕТСТВА

(из цикла «Обращение к себе»)

Когда за тобою навеки захлопнутся двери,
 И поступишь времени станут удары часов,
 Ты можешь скитаться по истинам в поисках веры,
 А можешь усвоить несложный устав городов:

С букетом невянущих роз и дежурной улыбкой
 Встретать на вокзале лобовь, поезда и года,
 Разлуки и горе считая досадной ошибкой,
 Которую, впрочем, возможно исправить всегда —

Достаточно просто найти в расписании поезд,
 Слегка поголкать и выудить нужный билет,
 А, коли не вышло, не стоит себя беспокоить:
 Всегда есть купе, претендента в которое нет.

И вдаль по железным путям полететь без оглядки,
 Свевря хронометром этот размеренный бег,
 А, если наскучит, от скуки ведь есть пересадки,
 И станций достанет на скучный наш серебряный век.

БАЛЛАДА

Навек один – к пустынным берегам,
 Где можно на песок упасть, рыдая,
 И рассказать безмолвным облакам
 О миражах придуманного рая,
 Что больно жгут, бесследно исчезая.
 Как пульс морей – недремлющий прибор –
 Привычный столб – и неизменно новый –
 Бесплотных мыслей непрерывный строй, –
 Неутомимо ищущих иного,
 Выплескивая музыку и слово.

Холодным обжигающим волнам –
 И только им – надменно доверяю
 Печаль по недоступным островам,
 Чтоб волны, неизбежно отступая,
 Назад спеша, преграды не встречая,
 Не осящая грани роковой
 У тайного закатного покровца,
 Несли туда привет незримый мой,
 На берега, где я не буду снова,
 Выплескивая музыку и слово.

Я клятву дал наперекор богам –
 И проклят был. Былое проклинаю,
 От рош зеленых к мертвенным снегам,
 К забвенью и туманам злого края
 Ушел из незаслуженного рая.
 Упрямой, пережившей всех скалой
 Один расту из прошлого седого,
 Незнающей раскаянья тоской
 В долину преходящего земного
 Выплескивая музыку и слово.

Посылка.

Тому, кто жадной грешно душой
 Коснуться смел до пламени святого
 И был сожжен, но, боль избыв тоской,
 Неодолимо жаждет боли снова,
 Выплескивая музыку и слово.

Макдуф

(Эрандил, Алексей Семёнов)

13.08.1970 – 03.01.2016

Недавно мы потеряли близкого друга. Трагически погиб Макдуф, известный многим как Эрандил. Он был одним из основателей нашего Общества, верным товарищем, талантливым поэтом, блестящим исследователем, мастером ролевых игр, увлеченным и очень ярким человеком.

Выпуск журнала, который вы сейчас читаете, необычный. Мы решили полностью посвятить журнал работам Эрандила, его стихам, письмам и статьям.

Это наш прощальный подарок другу, знак нашей памяти и благодарности.

Namárië!

Письма Эрандила

В данную подборку вошли фрагменты переписки, которая началась с ответа Эрандила на письма, которые я послала в редакцию передачи «Хоббит-клуб» на петербургском радио, и продолжалась немногим более года. В наших письмах обсуждались многие идеи, сюжеты и персонажи книг Толкина (и не только Толкина), и некоторые затронутые в них темы (например, география Средиземья) были развиты в докладах на первых БТС и статьях, публиковавшихся в «Резвом Пони» и «Палантире». Но в них немало и фрагментов менее научного и более «камерного» характера, которые представляют интерес и с точки зрения истории Толкиновского Общества, и как штрихи к портрету самого Эрандила, и как свидетельство той загадочной эпохи, которая породила и Толкиновское Общество, и Эрандила, и, в общем, всех нас, именующих себя странным словом «толкинисты»...

Авторские орфография и пунктуация сохранены.

М. Семенихина

... Если в конце сентября Вам довелось послушать передачу «Хоббит-клуб» (1), где молодой человек, плохо выговаривающий «р», дрожащим голосом читал два своих сонета – то Вы слышали меня. Если нет, то я просто Леша Семенов, путешественник в Средьземелье.

Письма Ваши – без пуготок – меня просто очаровали, и пусть я где-то не совсем согласен с Вами по букве, то по духу, как бы это выразиться по-русски, мы явно дышим одним воздухом, вот. А спорить с Вами мне не хочется, потому как рождается в споре не истина, а только скандал, ссора, плохое настроение и нехорошие слова, кончается же это все это (в лучшем случае) худым миром. Истина же предвечна и существует объективно – как Бог, да она и есть Бог, так как Бог – это Истина. А мы можем не рождать, а постигать Истину через Слово – суть информацию, суждение, адекватное истине. Но это все не очень лирическое отступление, теперь к делу.

Поскольку спорить я не буду, то, как говорил наш недавний лидер, «давайте с нами обменяемся».

О себе: во-первых, считаю себя толкинистом, но не «толконутым».

Во-вторых, считаю, что творение Толкина можно и нужно изучать и дополнять, но не продолжать и изменять, ибо всякое продолжение и изменение в мире Толкина (вторичной реальности, Малом Творении, на которое всякий имеет право) равнозначно тому, как если бы кто-то на Земле попытался претендовать на место Творца (кстаги, многие шли по этому пути – и ни к чему хорошему не приходили. К чему они приходили – это, я очень надеюсь, мы обсудим

ЖУРЧИТ РУЧЕЙ ТОРОПЛИВЫЙ...

Журчит ручей торопливый.
Ты рвешь за листиком листик,
И вот в ладони у милой
Зеленый лежит трилистник.
Под кельтским поющим небом
Искать и покоя и волно,
Жить вереском, а не хлебом –
Не самая русская доля.
А после, встретясь у слепи,
Семь звезд, на полночь горящих,
Звать не Ковшом, а Телегой,
Колеса светил крутящей
По валкам небесным горкам,
По горней алмазной пыли,
За море с водою горькой,
Где сны не отнять от были,
Откуда закатные звезды,
В росе отражаясь синей,
Восходят – рано ли, поздно –
Из летописей России.
С тех пор я с заветной думкой
В холщовой простой одежде
Хожу, и в походной сумке
Вместилась мои надежды:
Дойти до конца-до края,
Где травы врастают в небо,
Где в синих просторах рая
Кольшатся волны хлеба,
Где мы вдруг странно узнали
Друг друга слова и лица,
На вечной Его скрижали
Попав на одну страницу.
И Он листопадом звездным
У самого края лета
Таким же вот часом поздним
Читал нам главу об этом.

THE HOARWELL BRIDGE

Не улыбнется отблеском зеркальным
Свинцовая осенняя река.
Лес спрятался в холмы пологской дальней.
Я снова здесь с тобой, моя тоска.

Три арки мост – утрюмый стылый камень.
Рочочет неумолчная вода.
Куда моя монета молча канет –
Я заплатил за долгие года,

Когда ходил к серебряному морю,
И провозжал к закату корабли,
И жадно пил вино чужого горя,
Но не пьянел. И к осени земли

Сюда, в пустынный край я возвратился
Октябрьский холод приложить к вискам.
Сюда, где я с тобою обручился,
Невеста моя вечная – Тоска.

Что ж, наша свадьба вновь не состоялась,
Неподнята и девственна фата –
Кольцо твое опять со мной осталось,
И мне другая – навсегда не та.

Вот мой залог – на дне реки монета
Текут, бурля, несчетные века –
Тем крепче он: здесь ржавый сумрак Леты
Над ним не будет властен. И пока

Я буду жив: обет мой – возвращаться.
И мой зарок – не знать твоё лицо:
Нет воли от тебя мне отказатьсь,
И смертью будет освятить кольцо.

Я – капитан осеннего пространства.
Тоска моя по-прежнему чиста ...
Небывшей свадьбы пыльное убранство
Несет река под арками моста.

в следующих письмах). То, что сделал Николай Перумов – талантливо, но эклектично и плоско с точки зрения Искусства и живо – а значит, и является Злом – с точки зрения Истины мира Толкина (а значит, и нашего мира – Земли). А вот писание всяческих стихов, исследований, комментариев, сочинений и даже дополнений-апокрифов (к слову сказать, апокрифы не отвергаются церковью, а просто не канонизированы, но рекомендуются к прочтению). И еще к слову: так как книга Толкина, по его собственным словам, получилась по духу католическая, то считаю правильным употребление в комментариях и толкованиях к ней христианской мысли и терминологии наиболее верным. И – кто знает – если «Властелин Колец» – Библия (не в смысле тождества, а в смысле проведения параллелей), то, может, кто-то напишет и Пятое Евангелие; в-третьих, не приветствую ролевых игр по Толкину, хотя и не сказал бы, что категорически против них;

в-четвертых, чтобы прояснить мои дальнейшие писания, перечислю тех китов, на которых держусь:

- 1) «Серебряный век», особенно акмеизм (в понятие «Серебряный век» склонен включать и Набокова, и Тарковского Арсения, и Бунина, и многих других, Маяковского и Есенина к примеру);
- 2) учение об этногенезе и пассионарности Льва Николаевича Гумилева;
- 3) системный анализ как способ рационального постижения истины (в Санкт-Петербурге, в частности, по работам небезызвестного Анатолия Алексеевича Денисова (2) – профессора, бывшего депутата и вроде по сей день коммуниста);
- 4) советская (точнее – англосоветская) рок-музыка и авторская песня;
- 5) романтизм (от Блэйка к Мелвиллу, Стивенсону, Диккинсону, Бодлеру, Готье – и дальше – к Beatles, Stones, Purple и т.д.), а также многое другое.

Теперь, когда перечислены аксиомы, можно попытаться вывести некоторые теоремы.
... Сам Толкин смысловой единицей считал не слово (имя), а текст, т.е. гораздо более крупную структурную единицу, и аллюзии у него я стал бы искать на основе сюжетных линий... Об именах же скажу следующее: естественно, они индоевропейского происхождения, но не только. Ведь эльфийский язык – совершенно самостоятельный язык, а не сращение существующих ныне, здесь действует не принцип отображения (функции) или суммы, а принцип системы (извините, может, я говорю непонятно, но у меня вышешее техническое – сугобо техническое – образование), поэтому сопоставление с греческим, или германскими, или кельтскими языками эльфийских имен правомерно, но очень косвенно. Кроме того, я не нашел в поправках ко мне Ваших письмах параллелей с финно-угорскими языками, с балтийскими – а ведь «Силмарилион» (орфография моя) задумывался поначалу как что-то вроде английской «Калевалы», да и эльфийский во многом напоминает финский (например, отсутствие в начале слова двух согласных звуков).

Далее. Имена ведь такая штука – народы появляются и исчезают (этногенез – это слово я у Вас обнаружил), сильные этносы подчиняют или выгоняют соседей – а культурная традиция (в т.ч. имена) передается по наследству, а этнос, глядишь, и вовсе не тот. Приходят сильные

пришельцы – в знак уважения берутся их имена (этноним татары, к примеру, – детективная с ним история – почитайте Л.Н. Гумилева, если еще не читали). Принц берет в жены принцессу из другого королевства – ребенка в знак уважения к родне жены называют иноязычным именем, и т.д. и т.п. Словом – путаница, хотя часто имя дает единственную нить к восстановлению исторической правды. Я вот тоже провел исследование (правда, не имени, а титула, но прецеденты были в истории – когда историки принимали титул за имя): Сталин известен как Великий Кормчий, т.е. – по-гречески – Великий Кибер. Кибер же – это электронное устройство, работающее по программе, т.е., применительно к человеку, кибер – это зомби. Отсюда мораль: Сталин был кем-то зомбирован (отсюда «кормчий-кибер») и страшно ненавидел кибернетику, за то, что одно ее имя напоминало ему об этом его психическом недостатке, а если вспоминать заключение Бехтерева – тут уж целую книгу можно написать (и ведь напишут).

Но оставим имена... – перейду к текстам и историческим и литературным аллюзиям. ... Боромир – Роланд – согласен (статьи, в комментариях к новому переводу Мария и Валера Каменковичи тоже проводят параллель Боромир – Роланд). Но вот еще одна параллель: старый Хельм – Роланд – вот тебе и рог, да посильнее Боромирова, вот тебе и горы, да более подходящие к Пиренеям, чем Эмин Майл, вот и враги, да не отряд орков, а целая армия, и не служители тьмы, а дунгары, т.е. обычные люди, как в «Роланде»...

... Рохирримы – готы, хотя язык у них мерейский и символика – белый конь – тоже. Но ведь язык – это не более, чем перевод с Вестрона. А вот история: приход готов с Севера в Причерноморье и приход рохирримов с Севера в Каленардон. Конные армии, длинные копы, высокая пассионарность, отсутствие собственной религии и сколь-нибудь культуры, кроме преданий, служба – союз с южным могучим высокоразвитым соседом – все сходится. И в родстве готы (рохирримы) с англосаксами (хоббитами) были – ведь германцы...

Теперь – дальше на Юг. Гондор. Это – Византия и Рим, но Византия и Рим средьземельские. Общее – лишь историческая роль (и в чем-то судьба), никакие кальки с лобными средневековыми королевствами не проходят, увы. Гондор – модель христианской страны, не знающей Христа (об этом гораздо лучше и понятнее, чем у меня, написано в комментариях к переводу Марии Каменкович. Книга, конечно, еще не вышла, но комментарии мне выпало счастье почитать).

На востоке – easterlings, с явно монголоидными чертами лица. Направивается параллель с гуннами (к слову, не все гунны рубили христиан направо-налево, некоторые бились со своими соплеменниками на стороне христианского воинства – вот как разные военачальники вастаков в Битве Бессчетных Слез в «Силмариллионе»), но не могли гунны просуществовать несколько тысяч лет – от Первой эпохи до Войны Кольца. Поэтому истерлинги – просто аналог времени от времени доходивших до Европы кочевнических войск (жаль, Толкин не читал Гумилева: монголы Хулагу, шедшие к Иерусалиму, были несторгиане).

... Насчет деревьев: Толкин их все любит, включая ели. Он вообще в природе зла не видит – и постоянно это подчеркивает и в истории с Old Man Willow, и с бурей на Карадраесе. Природа – явление, категория внеморальная: кислота не лучше щелочи, холод не лучше влажности, Леший (лес) не прогрессивнее Албасты (степь). Так же не добры и не злы

как личностей, ибо воздаётся каждому по делам его. Присутствие у кого-либо большего или меньшего уровня биохимической энергии есть необходимое, но отнюдь не достаточное условие для того, чтобы поступать по совести и в соответствии с положительным мироощущением.

Перигрин Тук, как справедливо отметила в своём докладе на I-м Большом Толкиновском Семинаре Татьяна Лазаревна Фиглин, почти ребёнок, «непосредственный, любознательный, но безответственный». За всеми его действиями стоит желание быть не хуже других, показать себя, казаться и быть взрослее, значимее – он и в поход-то идёт потому что боится, что его не возьмут. Перигрин добивается своей цели – он идентифицирует себя, становится взрослым, но мотивы его поступков принадлежат сфере сознания. Почти все поступки Перигрина подпадают под критерии детскости, сформулированные в книге Эрика Берна «Люди, которые играют в игры» [5]: цель поставлена за него, в соответствии с нею он структурирует своё время и, наконец, он предпочитает, чтобы ему указывали, как делать те или иные вещи – всё, что он делает, он делает для других или по примеру других. К концу книги, повзросев, Перигрин взрослеет: клятва верности Денетору – совершенно самостоятельный, импульсивный и бескорыстный поступок, деяние, но нигде более ничего подобного от Перигрина мы не увидим. Все сказанное о Перигрине, опять таки, ни малейшим образом не означает, что достойный Перигрин Тук, впоследствии *тан* Заселья, чем-то хуже некоего эталона: речь всего лишь о том, что он не является пассионарием – не более.

Во всей отважной компании хоббитов есть один-единственный пассионарий – Мериадок Брендибак. Внешне его действия не мотивированы ничем, но именно он начинает «слежку» за Бильбо и Фродо, он воплощает в жизнь (а в значительной степени и разрабатывает) план «переселения» Фродо в Бакленд, он ведёт хоббитов через Старый Лес, он отпугивается погулять по Бри (один и ночью), интересуется маршрутными картами в Ривенделле, не полагаясь целиком и полностью на Гэндальфа и Арагорна. И далее, вопреки складывающимся обстоятельствам, он находит возможность уйти на битву под стены Minas-Tirita, и не случайно именно он помогает Эовейн повергнуть Короля назгулов. По возвращении в Заселья именно Мериадок возглавляет и успешно завершает борьбу с сарумановыми бандитами. Весьма показательно изречение Мерри после того, как он срывает глупую инетркуцию на воротах близ Брендивинского моста: «Я здесь ещё много чего нарушу!» В конце оказывается, что Мерри не обделён и писательским даром. Прозвище «Великолепный» очень точно характеризует его деятельность: идеал Мериадока – идеал победы, крайне раритетный для Заселья. И если есть вообще у Толкина победитель, то этот победитель (в определённом смысле, разумеется) – Мериадок Брендибак.

Примечания:

- [1] При написании этого и последующих разделов доклада автором использованы цитаты и сведения из собрания работ Дж.Р.Р.Толкина «Unfinished Tales» в переводе С.М. Печкина, за что автор доклада выражает автору перевода сердечную благодарность.
- [2] См. 4-ю часть доклада, «Резвый понир», №1 (4), 1996.
- [3] При написании этой части доклада широко использованы сведения из собрания работ Дж.Р.Р.Толкина «Unfinished Tales». Автор доклада выражает автору русского перевода – С.М. Печкину – сердечную благодарность.
- [4] Foster R. The Complete Guide to Middle-Earth, HarperCollins Publishers, 1993, p.199-200
- [5] Берна Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. / Общ. ред. М.С. Масковского; Последействие Л.Г. Иоинна и М.С. Масковского. – СПб.: Лениздат, 1992, стр. 180.

а мне при упоминании сего почтенного мужа вспоминается песенка «Старый дедушка Коль был весёлый король...») В отличии от аданов Белерианда хоббиты, благодаря изменившимся к лучшему внешним условиям, не перестали существовать как этнос, но динамический процесс их этногенеза оборвался. Характеристика стереотипа поведения хоббитов и описание Заселья, содержащаяся в первых главах «Властелина колеи», соответствуют уровню пассионарного напряжения гомеостаза – жизнь в гармонии с окружающей средой, консерватизм, неприятие «странностей», нормальная сопротивляемость внешней агрессии – как силовой, так и идеологической. Этнос в состоянии гомеостаза невозможно инкорпорировать: он либо исчезает в результате истребления или растрояния в среде более динамичного и многочисленного пришлого этноса (как индейские племена в Северной Америке или финские племена в России), либо продолжает жить обособлено и по-своему (народы Кавказа или Крайнего Севера). Если такой этнос не слишком стар (как в своё время тасманйцы или хоббиты, оставшиеся в Долинах Андунна), и его противник сам находится «не в лучшей форме», – в фазе надлома, к примеру – то статичный этнос выживает: Ирландия не приняла инквизиции, скифы ужаснулись маздакизму, Кавказ выстоял против Российской империи. Хоббиты, в свою очередь, отбились от орочьих банд и не стали долго терпеть «саруманизм» – идеологию антисистемы. Свой дом, семью, обычаи представители такого этноса защитят, но на сверхнапряжение они не способны. Субпассионарий в такой системе не выживет, поскольку не способен обеспечить себе кусок хлеба, а этнос не будет его кормить (да и не может этого себе позволить – поэтому был изгнан Голлум), но и сколь-нибудь более энергичный на общем фоне будет вызывать недоверие, даже если его пассионарность будет очень невелика и направлена в сторону совершенно безобидных для окружающих целей – как у Бильбо Бетгинса со страстью к стихотворчеству или у Туков со страстью к богатству.

Коль уж мы коснулись персоналий, то позволюте завершить эту главу сравнительной характеристикой хоббитов-героев произведений Толкина, а точнее пятерых самых знаменитых: Бильбо, Фродо, Мерiadока, Перигрина и Сэмуайза. Кому из них присущ пассионарный признак, то есть повышенное стремление к действию?

Бильбо откуда не отпирался бы самостоятельно: Гэндальф сумел точно определить его «пунктик» – любовь ко всему красивому, изящному, необычному, то есть то, что называется аттрактивностью – стремление к абстрактным идеалам истины, красоты и справедливости – но это свойство сознания, а не пассионарность, являющаяся признаком генетическим, а не благоприобретённым. Естественно, что о красоте и справедливости можно рассуждать и лёжа на диване, а можно ползть ради того же в драконье логово; несомненно, что слабая степень пассионарности у Бильбо имела, иначе не было бы ни Приключения, ни стихов, но ничего этого не было бы также и без Гэндальфа.

То же, что и о Бильбо, можно сказать и о Фродо, и о Сэме с той лишь разницей, что их обоих вело чувство долга. Ни Фродо, ни, тем паче, Сэм не проявляют инициативы: Фродо выполняет свой Quest вовсе не потому, что ему этого хочется – такова его доля. Другое дело, что Фродо имеет моральную силу эту долю принять и нести, но это свойство как раз особой гармоничных, в то время как пассионарий способен менять обстоятельства, а не только их выдерживать. Что до Сэма, то он идёт вслед за хозяином, потому что «так положено», а иначе никак не возможно, поскольку выходит за рамки установленного хоббитского жизненного уклада. Всё сказанное ни в коей мере не принижает ни роли, ни заслуг Фродо и Сэма, ни их самих

горы, озера, реки, обычные деревья и звери у Толкина. Добро и Зло присутствуют в деяниях – продуктах свободной воли.

... Интересен образ Арагорна – это не герой-профессионал, не обожжённый король-эмигрант, не странствующий рыцарь, не участник похода за освобождение Гроба господня. Да и не так уж он добр и безгрешен: прав Перумов, припоминая как весьма сомнительный поступок поход по стезе мертвецов. Мне Арагорн предстает наиболее «синтезированным» персонажем, в то время как многие прочие (и в том секрет – один из секретов – привлекательности «Властелина Колеи») максимально приближены к юнговским архетипам (Гэндальф – старый мудрец, Галадриэль и Арвен – вечно живое бессмертное высшее женское существо (Прекрасная Дама, если угодно), Боромир и Дэнетор – самость, Фродо и Фарамир – персона, Король-Чарлей-Ведьма, поминаемый во многих переводах «липкий страх» – тень) илик доминантам сознания (Голлум – эгоизм. Бомбадил – аттрактивность). В связи с Арагорном мне лично на ум приходят такие мотивы: король Артур («когда король вернется») да небольшая группа странствующих рыцарей Круглого Стола – дунаданов, волшебник рядом – Мерлин) и Дикая охота (Стезя Мертвецов), которую ведет предводитель светлых сил – Один. Но тут-то и контроверза: Дикую охоту возглавляет Черный Всадник, сопровождается она диким страшным волчьим воем, от которого жмутся и скулят домашние собаки (ну прямо как в сцене у Мэггота). Черный всадник – Арагорн, вот так-то. «А ведь какой назул бы вышел!» – мог бы подумать Саурон. Это я привел две самые прямые аналогии, а сколько еще можно привести! – от Дон Кихота до Эарендила.

Ну вот и «обменялись»...

На сем откланяюсь и отшаркаюсь. Сейчас вечер, на небе тучи, но

Час встречи нашей освещен звездой!

(Именно освящен, пусть это – очень вольный перевод)...

- (1) «Хоббит-клуб» – передана на петербургском радио (редактор Н.А. Жукова, режиссер И. Стависский), которая выходила в 1993 – 1995 гг. В ней принимали участие переводчики М. Каменкович и В. Каррик и другие члены будущего Толкиновского общества.
- (2) Денисов А.А. (1934 – 2010) – ученый и политический деятель, профессор Ленинградского политехнического института, автор ряда научных и учебно-методических работ по теории систем и системному анализу.

17.01.1995

... Моя история прихода в Средьземелье такова: осенью 1991 года, когда начались книжный бум и все покупали, не особо разбираясь, различные подлиски и книги (особенно много стало издаваться сказок), мама принесла первые два тома «Властелина Колеи» (издательства «Радуга»). У меня тогда случилось что-то вроде депрессии – что бы ни взял читать, все не нравилось. Но вот я открыл форзац первого тома и увидел карту с кучей различных интересных топонимов. Причем карта подкупала своей естественностью (т.е.

на ней не было гор выше Эвереста, пропастей десятикилометровой глубины, архипелагов немислимых очертаний и размеров, отрезанных от мира плоскогорий и пр., чем грешат многие авторы вымышленных миров), а также неудовимой похожестью на какой-то уголок земли. Какой? Это выясняют многие и по сей день. Увидев карту, я уже не мог не интересоваться историей, связанной с ней. Ну, а тот, кто с интересом прочел «Властелина Колец», доберется и до «Хоббита», и до «Силмариллиона». А чувства у меня были похожи на Ваши – будто я наконец-то попал в то Другое Место, где когда-то был, и где было прекрасно. Лучше всего такое состояние передается термином **апперцепция** – восприятие или узнавание на основе прежних представлений. Видимо, «толкинизм» – это действительно особый склад души (слово «склад» здесь, я думаю, можно понимать двояко: жалко, что не каждый умеет отыскать у себя на склад что-то хорошее, вот и показывает всем то, что лежит на пороге – цинизм и грубость).

Так вот, к осени 1992 я уже прочел и «Силмариллион», и «Хоббита», и третий том «Властелина Колец», а к весне 1993 – сказки и эссе «On Fairy-Stories», а также много сопутствующих материалов по истории и древние эпосы. А дальше было труднее всего, потому что я был один, если не считать нерегулярно выходящего «Хоббит-клуба», куда я и написал летом 1993 весьма сбивчивое и длинное письмо... Ответ не заставил себя ждать и пришел в конце августа 1994 («не пройдет и полгода»), когда правление клубом взяли в свои руки Маша и Валера Каменковичи. Теперь мой кристалл мировоззрения постоянно в легком движении, и Средьземелье стало ближе (даже не ближе – оно вокруг нас) без всяких ролевых игр.

Кстати, о них. По-моему, в основе тяги к играм лежит желание человека увидеть результаты своих деяний сейчас и здесь. В реальной-то жизни ой как трудно (а чаще всего просто невозможно) изменить что-либо хоть на йоту. Что касается мира Средьземелья, то ведь Средьземелье – это наш мир, а вот один из главных принципов существования мира – принцип личной ответственности – в играх в значительной степени ослаблен. Впрочем, людям свойственно играть, но, по-моему, самая интересная игра – поэзия.

А для моделирования иных миров (или каких-то иных состояний нашего мира) помимо первого способа – поворота кристалла мировоззрения – есть и другой, более действенный. Вот как об этом пишет сам Профессор (в письмах он просил звать себя именно так): «...творческая фантазия... пытается создать что-то новое, может отпереть вашу сокровищницу и освободить все запертые там вещи, как птиц из клетки. Тогда сокровища обратятся в цветы и пламя, и вы поймете, что все, чем вы владели (или что знали), – суть вещи мощные и опасные, свободные и дикие, а не закованные в цепи – и что они не более принадлежат вам, чем являются вами» (из «On Fairy-Stories»).

Вообще Профессор уделял много внимания дару Суб-творения, воплощение коего невозможно без фантазии. Посему личная моя просьба: не уничтожайте то, что Вы пишете, пусть даже Вам и кажется, что это не достойно внимания. Рукописи, уввы, горят, да еще как! И дым от них горек: он шипит глаза, жалит совесть, тревожит память – но ничего не может сказать! (Эх, Аркашка, не говори красиво!)

... О Санкт-Петербургском Толкиновском Обществе, отцами (и матерями)-основателями которого являются Мария и Валера. Общество практически организовалось –

и что все хоббиты одно время могли быть объединены в матриархальные кланы (по поводу «матриархальности» хоббитов с Фостером можно не согласиться – см. комментарии к академическому изданию «Властелина Колец» в переводе Марии и Валерия Каменковичей). Также достойно внимания, что хоббиты, хотя и будучи привержены домашнему уюту, провинциальны и равнодушны к окружающему миру; в момент опасности становились смелы, ловки и бесстрашны. К концу Третьей эпохи хоббиты единственные в Среднеземье (вместе с людьми из Бри) сохранили отчества (surnames). Они жили около ста лет; тридцатипятилетие считалось совершеннолетием.

Из приведенного описания следует: до 1000 г. ТЭ хоббиты жили тише воды ниже травы в определенном ландшафте (речная долина, лесистые холмы); около 1000 г. произошёл «внезапный взрыв» (well), после чего целый народ пустился в странствия через горы и странствовал лет этак 600 (при этом все три ветви порознь), после чего объединились, пережил чуму (в которой стигнул Кардолан), гибель Артедаина и, спустя 1000 лет, вернулся к мирному образу жизни, изменив по сравнению с первоначальным состоянием принципы организации (до 1000 г. – кланы, после 1600 г. – сельская община), при этом ярко выраженные в годы странствий различия между тремя ветвями хоббитского народа ко времени Войны Кольца сгладились настолько, что сохранились только в виде фамильной гордости за толщину семейного альбома (имеется в виду неравнодушные хоббиты к генеалогиям), гораздо большую значимость приобрело деление по месту жительства (иными словами, родовую общину сменила соседская). Кроме того легко вычисляется «коэффициент длительности жизни» хоббитов – он равен примерно 1,5.

На основании сделанных ранее выводов и вышеизложенного можно предположить, что «внезапный взрыв» 1050 (на запад двинулись Nagfoots'ы) – 1300 (начало похода Stoogs'ов) гг. был вызван меридианальным пассонарным толчком 1000 г., и маленькие и неприметные хоббиты смогли преодолеть Туманные горы – претраду, которую соорудил ещё Моргот как препятствие для самого Оромэ – и вообще выдержать пятисотлетнюю борьбу за существование на безопасной в то время Севере. Это была фаза пассонарного подъёма: структура этноса была изменена, местообитание «перехало» в похужий, но удалённый на 1500 км от изначального ландшафт, хоббиты органично вошли в непривычную для них социальную среду – королевство Артедаин, но не потеряли самобытности, то есть налицо был факт изменения пластичного стереотипа поведения.

Куда же делась пассонарная энергия хоббитов в дальнейшем? Где их акмагическая фаза, надлом, обскурация? Судя по ходу истории, после обустройства в Заселье хоббиты вновь вернулись к гомеостазу, и это объяснимо: подобно тому, как в Первую эпоху под натиском Моргота угас супертнос аданов, в результате не дожив до фазы надлома, в Третью эпоху пассонарность хоббитов оказалась «съеденной» внешней средой. Хоббитам было не до побед (идеал победы характерен для акмагической фазы) и не до стремления к некоему туманному «иначе» («Мы знаем, мы знаем – всё будет иначе!» – императив фазы надлома), даже не до поисков удачи с риском для жизни, каковое стремление присуще инерционной фазе (профессии купца или военного, к примеру) – их задачей стало поддержание своего естественного образа жизни, что и является атрибутом гомеостаза. Пассионарии хоббитов вынесли все тяготы П тыс. ТЭ, все походы и адаптации в новой среде – и ушли в прошлое, даже имён их не помнили, кроме совсем уж легендарных братьев Мархо и Бланко и Бандобраса Тука (не знаю, как у кого,

походит на королевство вестготов – единственное готское королевство, просуществовавшее довольно долго (разрушено оно было лишь в 711–713 гг. арабами, да и то не окончательно). А вестготский король Теодорих I героически погиб на Каталаунских полях в битве с войском Аттилы – восточным нашествием. Этот вестготский король – наиболее яркий прообраз короля Теодена.

Что до судьбы других этносов и государств Севера, то на исторической арене мы их видим вновь лишь в XXX в. ТЭ, в «Хоббите». Как и следовало ожидать, взору нашему предстают торговые республики и вольные города вроде Ганзейского союза. Единственное исключение – лесовики (Woodmen), соотносящиеся с добропорядочными горожанами Дейла и Эстарота как североамериканские трапперы, ковбой и фермеры с бюргерами Западной Европы.

Север богател за счёт выгодной торговли, мог позволить себе содержать надёжные хорошо вооружённые армии, вполне достаточные для отражения орочных нападений. Но перед саурановой мощью этого оказалось недостаточно. Героев, подобных Барду-лучнику, осталось мало, а то, если бы не королевства гномов и эльфов, события Войны Кольца на северном театре военных действий были бы куда как печальнее.

На фоне Дейла и Эстарота уровень пассионарного напряжения у Беорнингов был повыше, сам же Беорн – ярко выраженный пассионарий, а в бою – настоящий бёрсерк. О войне в долинах Андлуна, меж Хитагилл и Чернолесьем, не говорится ничего, кроме того, что «земля Беорнингов дымилась ...», как видит Фродо с вершины Амон Хен. Вероятно, впрочем, силы и храбрости лесовикам и беорнингам покамест было не занимать, если они смогли выдержать и отбить одновременный натиск с востока из Дол Гулдура и орков с Туманных гор.

О хоббитах

Поскольку все сведения по истории хоббитов до похода Бильбо Беггинса Туда и Обратно умещаются в нескольких строках, то не будет лишним привести эти строки здесь, дабы не утруждать читателей, не имеющих охоты рыться в хронологической пыли. «Путеводитель» Фостера [4] гласит:

Хоббиты. Один из молчаливых (speaking) народов Среднеземья, в истоках своих близко родственный людям. Хоббиты, сотворенные ещё в Первую эпоху, не были слишком навязчивы и проживали в Долинах Андлуна в основном незаметно для других народов вплоть до внезапного взрыва (well) в Третью эпоху. Около 1050 г. ТЭ хоббиты, уже разделившиеся к тому времени на три ветви: Fallohide, Harfoots и Stoors (приведены английские названия ввиду отсутствия удовлетворительных переводов – на мой вкус и цвет, разумеется – прим. автора доклада), потянулись на запад, прочь от зла Чернолесья ... В 1600 г. было положено начало Заселью, и вскоре почти все хоббиты перебрались туда или в Бри, хотя в 2463 г. на Ирисных Полях существовало поселение Stoors'ov, а ко времени Войны Кольца встречались странствующие хоббиты.

За исключением Великой Чумы 1636 г. и Долгой Зимы 2758 г. хоббиты в Эриадоре жили по большей части мирно и уютно в Заселье и в Бри, благодаря покровительству Гэндальфа и Следопытов. Их численность росла, и границы Заселья расширялись дважды: в 2340 г. Старбаки основали Бакленд, а в 32 г. ЧЭ королем Элессаром Заселью была дарована Западная Марка (Westmarsh, перевод докладчика) ...

Можно упомянуть, что у Stoors'ov с Ирисных Полей в 2463 г. ТЭ был матриархат,

дело за официальной регистрацией. Цели и задачи его формулируются так:

- Изучение жизни и работ Дж.Р.Р. Толкина.
- Изучение традиционной английской и европейской культуры, ее истоков и ее влияния на другие культуры.
- Сбор и распространение информации, издание литературы и периодики по указанным темам.
- Обеспечение экспертной оценки информации (в т.ч. и публикаций) по указанным темам.

- Создание и поддержание дружеских и информационных связей между любителями работ Толкина в России, между отечественными и зарубежными толкинистами.

- Оказание информационной, моральной и иной возможной поддержки исследователям и любителям творчества Дж.Р.Р. Толкина в их многообразной деятельности.

Хотите к нам? Если да, то главное условие принятия в ряды Вами уже выполнено (условием было прислать интересное письмо). Теперь нужна только официальная заявка с короткой «легендой». Всяческая агрибутика уже в разработке. Если есть предложения – пишите (лучше пока на мой адрес, поскольку Маша и Валера до середины февраля отбывают в Англию. Оттуда они обещают привезти много-много всякой литературы, предназначенной к переводу, вот тогда-то и начнется деятельность Общества в полном соответствии с целями и задачами)...

... Звезд на небе сейчас нет, потому как день. Но это же не значит, что их нет вовсе, «И мы плывем, пылающе бездной со всех сторон окружены» (1). «О пыль миров! О рой священных пчел! / Я изследил, измерил, взвесил, счел, / Дал имена, составил карты, смелы...! / Но ужас звезд от знания не потух» (2), и «если звезды зажигают – значит, это кому-то нужно». Думаю, если так, то Варда присмотрит за той самой звездочкой, что осыпала нашу встречу...

(1) Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как океан объемлет шар земной...».

(2) Цитата из венка сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis».

08.02.1995

Добрый вечер, леди Мария!

Добрый вечер, потому что «жемчужина небесной тишины на звездном дне овьюженной лагуны» – Луна вышла, «к нам обратив тоски своей лицо» (1)...

... О новостях: в отсутствии М. и В. Каменковичей собрания Толкиновского Общества пока не проводились, но в королевской голове Торина Оукеншильда (2) и некоролевской голове Эрандила созрел план проведения некой конференции по книгам Профессора, т.е. все будут сочинять доклады, призывая духа исследований. ... Чем мы хуже Английского или многочисленных американских толкиновских обществ?...

- (1) Строки из венка сонетов М.А. Волошина «Lunaria»
 (2) Торин Оукеншильд (Павел Парфентьев) – историк религии, общественный деятель, один из первых членов Толкиновского Общества.

26.03.1995

... Вперед! Большой Толкиновский семинар (это и есть та «конференция»). Пройдет он не в конце марта, – это я наврал, простите великодушно, – а 30 апреля в 12.00 в Санкт-Петербурге в Клубе технического университета...

На семинаре состоится знакомство максимально возможного числа толкинистов между собой, «презентация» (не люблю это слово, но здесь оно в кавычках) Толкиновского общества и произнесение желающих докладов по жизни и творчеству Профессора. Любой желающий может подать заявку, где указана будет тема доклада, примерная его временная продолжительность и краткий план (или аннотация). Лучше, конечно, написать и текст доклада – история должна быть отражена в документах... Вот темы уже заявленные (некоторые из них, конечно): «Соотношение fanpas'ийного и реального времени. Исторические реалии во В[ластелине].К[олец].», «Околотолкиновская литература в компьютерных сетях», «Властелин Колец» в свете современной психологии», «Old Forest – второй Фангорн?» и так далее, тема может быть любой... Еще раз повторяю и опять прошу Вас: не обходите Семинар стороной, это первое серьезное толкиноведческое собрание в России. Примут в нем участие и Маша и Валера Каменковичи, и Сергей Степанов (1), и представители ролевого движения, и «Другая Реальность» и «Сорока» (среди пишущих туда немало интересных и думающих людей) (2), и, возможно, гости из Москвы. Если есть вопросы – пишите, на оргвопросы отвечу немедленно, ибо сам занимаюсь подготовкой семинара. Стечение народа (или народов) ожидается, но не бойтесь большой аудитории – ведь свои же люди (и не только Люди)!

... Что до «легенды», то, как правило, у всех есть свое среднеземское имя, а существительные, как любил говорить Профессор, всегда любят обрастать всякими «историями» (и, добавлю от себя, еще и «феньками») или «квэнтами». Если у Вас есть такая «квэнта» и она не секретная, то интересно было бы ее услышать. (У меня есть имя на Синдарине, хотя я остался представителем расы Людей, но по некоторым соображениям пока не хочу его открывать)...

Серебряный век (всех стран и искусств) – те белые эльфийские башни, что виднелись на западных холмах от границы Хоббитании (пусть пока так – слов «Шир» на русском языке имеет ненужные ассоциации: «ширина», «ширяться» или того хуже), прекрасные и недостижимые, но вечно живые, как Эльфы. Ведь Эльфы – это Аристократия Науки, Эстетики и Творчества ради них самих, а Серебряный век, по-моему, как раз и определяется этими четырьмя словами «for their own sake». Не выделяю особенно каких-то поэтов – все они мне дороги – от Мережковского и Соловьева до Маяковского, Арсения Тарковского, Пастернака и Набокова. Серебряный век – единое культурное пространство конца XIX – середины XX веков (в России, по крайней мере), почти уничтоженное в советское время. Но под каждой

К слову, подобная внешняя могучесть, разом пропадающая от, казалось бы, незначительного толчка, характерна для фазы надлома. Учёные по сей день спорят до хрипоты: если в октябре 1917 г. в Российской Империи произошёл всего лишь дворцовый переворот (а не явил себя некий мощный исторический процесс), то как могла сия сверхважва встать с ног на голову в течение каких-нибудь пяти лет? Ответ прост: могла. И процесс исторический был именно в той фазе, когда подобные вещи случаются, только надо помнить, что речь идёт не о процессе развития производительных сил и производственных отношений – он происходит очень медленно и постепенно, а об этногенезе фазы надлома. Этническая система в это время недостаточно жёстка, часто неустойчива, полоса свободы чересчур велика. А люди, как известно, склонны к злоупотреблению свободой. А если таковой «злоупотребитель» ещё и пассионарий? Вот и появляются такие лидеры, как Сулла, Савонарола, Сталин... Вот и исчезают вдруг куда-то сила и слава Османской империи, средневековой Испании, Золотой Орды, древней Македонии...

Для Рохана всё кончилось хорошо: восторжествовала идея Эотеода, «народа-войска», военной демократии (хотя и при наличии короля). Марка – не только пограничное владение в Каролингской империи, но и вид соседской общины с раздельным земледелием (чересполосицей) – *аллодами*, но общими пажтиями (что для скотоводов-рохирримов было очень важно), лесом, реками; купля-продажа земли при этом запрещалась, все спорные земельные вопросы были в ведении общины (и, значит, вне компетенции короля). По событиям III части «Властелина колец» видно, что отдельные районы Рохана были вполне самостоятельны, а под единым началом действовали лишь при переходе на военное положение.

Весьма вероятно также, что в Рохане имела место характерная для инерционной фазы, наступившей во времена II династии, удельно-лествичная система, когда каждый из потенциальных претендентов на корону (как бы призрачно в соответствии с правилами престолонаследия ни выглядели его шансы) получал, согласно своему положению в иерархии наследования, какой-либо город или область в управление. С выпадением кого-либо из лествицы (в связи со смертью, изгнанием, отречением и т.п.) вся система приходила в движение, правители (князья) обретали удел рангом выше. Такой порядок соблюдался в Киевской Руси и пюркском Вечном Эле. Лествица, безусловно, имеет свои плюсы и минусы, но для стабильной инерционной фазы годится как нельзя лучше: власти властвуют согласно порядку «феодальной номенклатуры», а не истребляют друг друга, губя простой народ и разоряя страну, войны состоят в профессиональной армии или полиции, народ живёт по «правде» (т.е. по закону), купцы могут свободно и спокойно торговать – все на своих местах.

Надо заметить, что рохирримы, благодаря такому построению государства, могли собрать и перебросить на огромное даже для нашего времени расстояние в рекордно короткие сроки очень большое по меркам Средневековья войско и организовать мобильную оборону по широчайшему фронту. По сравнению с Роханом гондорское рыцарство в деле организации военных кампаний выглядит не лучшим образом. Ещё один довод в пользу наличия в Рохане лествичной системы – определённая степень родства у военачальников и удельных правителей.

В итоге к моменту событий трилогии Рохан, как и Гондор, пребывал в середине инерционной фазы и являл собой устойчивую социэтническую систему, что и сыграло решающую роль в трудное для страны время.

Если придерживаться естественных здесь германских аналогий, то Рохан весьма

дела: Гондор переживал надлом, а от акматической фазы кочевых культур обычно остаётся мало памятников, если только степняки в это время не контактируют активно с каким-либо земледельческим суперэтносом, но рохирримы жили изолированно.

К 2500 г. ТЭ, однако, северный суперэтнос должен был перейти к фазе надлома, знаменующей расколом суперэтноса. Так и произошло. В 2510 г. рохирримы в одночасье ушли с Севера в Каленардон. Конечно, были и призыв Кириона, и память о старой дружбе, и осознание поднимающейся в Мордоре чёрной силы, с которой можно было бороться только сообща. Но: прозвизвшие Гондору балхоты (чей приход был результатом раскола в фазе надлома у тех же «истерлингов-2», фазу подъёма коих представляли Возничие) не могли дотянуться до Эотеода через Чернолесье, орки же Туманных гор не представляли серьёзной опасности для кавалерии рохирримов в степи, да и целых 500 лет ни о каких переселениях не было и речи.

Следовательно, причины надо искать внутри северного суперэтноса. В чём конкретно было дело, мы уже не узнаем, но можно указать на два фактора:

1) рохирримы недолго любили эльффов, а лесное королевство Грандуила значительно к тому времени расширилось (возможно, тот же пассионарный толчок XIX в. повлиял и на эльфийское королевство);

2) если учесть, что в Войне Кольца Север с одной стороны и Гондор с Роханом с другой не выступили единым фронтом, понятно, что между воинами-рохирримами и торговцами республиками и королевствами Севера существовали значительные разногласия.

Вероятно, торговая экспансия Беорнингов, Дэйла и Эсгарота при неизбежном при этом союзе с королевствами гномов привела к конфликтам на Севере, и Эорл блестяще использовал представившийся ему шанс: разом обрёл и сильного союзника – Гондор, и новое место расселения, не требующее смены способа ведения хозяйства – Каленардон.

Но возникает законный вопрос: где же все те бедствия, что сопровождают надлом? – от Эорла до Хельма Рохан проветал и расширялся, как повествует хроника. С виду так и было, но: во-первых, рохирримы – это *этнос* в составе северного средиземского суперэтноса, т.е. таксономическая единица на порядок ниже суперэтноса, отсюда большая вариабельность его судьбы. Эотеод был самой «иневильзованной», окраинной частью Севера, а потому сохранил сильные традиции (традиции времён фазы подъёма), что позволяло удерживать в этнической структуре пассионариев и находить применение их силам. Следствием и того, и другого являются высокий уровень организованности внутриэтнической жизни и большая резистентность этноса даже в фазе надлома.

Во-вторых, до правления Хельма у Рохана не было значительной внешней угрозы – нашествия с Юга и Востока сдерживал, главным образом, Гондор. Едва только могучий южный союзник оказался не в силах оказать помощь, едва лишь немного активизировались в целом инертные, как и положено реликтовому этносу, дунлендинги, едва чуть-чуть после поражения балхотов зашевелился Рун, едва природа сменила милость на гнев (Долгая Зима), как Рохан оказался на грани не то что военного поражения (оно было полным), но исчезновения как этноса.

А произошло все это как раз в самое нелегкое время – в конце фазы надлома (в 2759 г., по прошествии 800 лет после ухода Эотеода на Север – пускового момента роханского этногенеза), когда этнической системе необходимо совершить некоторое сверхусилие, направленное этнической доминантой, чтобы не развалиться.

строкой Максимилиана Волошина и Льва Гумилева готов подписаться сам – пусть и они в чем-то неправы...

(1) Сергей Степанов – член Толкиновского Общества, поэт, переводчик, переводивший «Хоббита» совместно с М. Каменкович.

(2) «Сорока» – молодежная петербургская газета в 1990е годы, основную часть содержания которой составляли материалы самих ее читателей (стихи, рассказы, статьи), а наиболее необычной и привлекающей чертой было общение на ее страницах при помощи бесплатных объявлений. «Другая Реальность» – рубрика в «Сороке», посвященная фантастике и фэнтези, которую вели Горин и Эрандил.

25.04.1995

Еще раз здравствуйте, сударыня Мария!

Так уж получилось, что не успел я отправить написанное сегодня же Вам письмо, как придя домой поздно вечером, обнаружил в ящике Ваше послание от 20.04. На всякий случай я конверты пронумеровал в хронологическом порядке: №1 – то, что писано днем на работе; №2 – то, что ночью и дома. №1 – в ответ на Ваше от 12.04, №2 – на то, что от 20.04. Не смеетесь: это не разгильдяйство и даже не бесейственность; это – закон возрастания энтропии – как ни наводи порядок, а все равно не поймешь, что где валяется и когда все это кончится (надеюсь, не скоро).

Про «злоупотребление моим великодушием» еще раз скажу: во-первых, великодушие мне обходится дешевле; во вторых, я же занимаюсь организацией семинара и прочими делами «толкинизма» ради своего личного корыстного удовольствия, и чем больше будет на семинаре народу, и чем разнообразнее и интереснее будут доклады, тем мне же и приятнее...

Величина зала – вещь неизбежная: а как же еще можно собрать и познакомиться максимальное число толкинистов Питера и Ленинградской губернии? К тому же, такие «съезды», видимо, не будут слишком часты, а заявить о себе надо (о себе – это об Обществе, о толкинистах вообще и об их истинных намерениях и проблемах, их интересующих). Ведь, ей же ей, неприятно (хотя мне это не мешает), когда Толкина приравнивают по значимости для мировой литературы к Роджеру Желязны или Агнии Барто, а толкинистов считают чокнутыми, которые бегают с деревянными мечами, вместо того чтобы учиться и работать, либо лодьми с комплексом неполноценности, придумавшими себе иллюзию жизни и, в конечном счете, опять же чокнувшись.

Мы-то знаем, что «чокнувшимися» можно тогда считать всех, кого интересует еще что-нибудь, кроме того, что можно пошутить руками. И вообще, «горит на небе новая звезда, // зажгли ее, конечно, хулиганы» (1). Задача, естественно, не состоит в поголовной «толкинизации» населения, а состоит она, во-первых, в доставлении удовольствия себе (некий «пир духа» после долгого для многих относительного одиночества и интеллектуального голода); во-вторых, в привлечении внимания питерской (и не только питерской) интеллигенции к нашей деятельности и декларация проявления массового интереса к творчеству Толкина как явления духовной сферы жизни по крайней мере города, а в частности молодежи города, явления, при этом, положительного и бесплодного. В-третьих, все то, что сказано во-первых

и во-вторых.

Извините, что выражаюсь очень по-канцелярски, но, увы, воспитывался по части выражения мыслей такого рода я в самые застойные и перестроечные года (и оказался, слава богу, не лучшим воспитанником), поэтому сначала на ум приходит не то, что идет от сердца, а именно канцеляризм и штампы...

(1) Цитата из стихотворения В. Гафта «Хулиган».

04.08.1995

...Простите великодушно мою безответственность (точнее, безответность)! Даже если «молчание – золото», то «слово – серебро», тем не менее, а серебро мне почему-то гораздо милее «желтого металла», да и про «серебро Господа моего» забывать не следует!

Действительно, долгойко я вам не отвечал, и сие превеликой жалости достойно, но, как есть я верный рыцарь (правда, не «сэр» – как у Мэлори, ну да не в титуле дело), то долг мой поведать Вам как благородной девице (и прекрасной даме) о тех удивительнейших приключениях, что довелось мне за отчетный период испытать (expiat вступление с многочисленными заимствованиями из того же материала – из Мэлори).

Дело в том, что почти сразу, как «с сокрушительным успехом» (резюме Валара Оромэ (1)) оттремел наш Семинар, у меня и начались эти приключения, никоим образом с толкнистикой (не нравится мне это слово, а другого никак не подберу: «толкнинизм» – это что-то про бродячий (-ций) призрак, «толкниана» – это что-то наподобие «Семирамида» или «Мирандолина», «толкниня» – это перумитам для их ругательного лексикона, хорошо, что сами они этот термин не открыли) не связанные. Сначала я сменил место работы – теперь я опять-таки инженер, но уже не в милитаристского направления (НПО «Аврора», подводные ракетноосцы и борьба за их живучесть) конторе, а в учреждении сугубо гражданском – СКБ «Искра», где занимаются контрольно-кассовыми аппаратами... А параллельно подвернулась «левая» работа – с собачкой по ночам и по выходным раз в три дня охранять склад с различными бревнами, досками и фанерой... (вот и это письмо я пишу, сидя в домике охраны и наблюдая в окно, не питает ли кто чрезмерного любопытства к мертвой древесине).

Что же касается жизни и деятельности Толкиновского общества, то Каменковичи сразу после Семинара отбыли на Украину и лишь несколько дней назад возвратились. Без них мы собирались лишь однажды (июнь, у всех сессии, экзамены, каникулы, дачи и пр. летние осложнения мирно текущей жизни), а плоды этого собрания и (что в основном) моей и Торина Трейновича Эйкиншильда деятельности таковы:

1) «Другая реальность» выходила после Семинара дважды – в конце мая и 3 июля с отчетом о том самом Семинаре нашего (моего и Торина) авгорта (2) и ругательным откликом Олмера (3) (с сохранением авторской пунктуации, жаль, не дали сохранить орфографию – «семенар» и т.п.) и пр. материалами. Впрочем, Олмер – яркий пример «оживания в образ» без понимания той простой истины (которую выразил очень доступно в романе «Маска» Кобо

военная демократия – Эотеод, торговые республики – Эсгарот и Дэйл, королевство – Беорнинги и поселения «вольных людей» – лесовиков и жителей Долин Андлуина. Добавим к этому, что при мерно тогда же морийские гномы вместо того, чтобы героически погибнуть в подземных войнах с орками и балрогом, отправились почему-то к Серым горам, Эребору и Железным холмам, т.е. они знали, куда плут и зачем, значит, у них была своя программа действий и способность эти действия осуществлять. А с долго – более тысячелетия – молчавшего Руна напрянули Возничие, и не просто с грабительским походом, а в результате миграции, вполне организованно, всерьез и надолго.

Эти факты дают основание утверждать, что в XIX в. ТЭ через Средиземье прошёл ещё один пассионарный толчок, на оси которого оказались Минхириат, Мория, долина Андлуина, центральная часть Зеленолесья, северный Рованион и степи к северу от внутреннего моря. К западу от Туманных гор Эриадор к тому времени опустел настолько, что никакой этнической целостности там возникнуть не могло, а вот на северо-востоке последствия не замедлили сказаться.

У нас нет данных по истории Севера в III тыс., за исключением истории Эотеода. В 1899 г. вождь северян Мархвини помог Калимехтару одержать победу над Возничими, но восстание в Рованионе потерпело поражение, и Мархвини отошёл в Долины Андлуина, где собрал остатки войска и беженцев, чем и положил начало Эотеоду. В 1977 г. Фрумгар увёл Эотеод на север, в 2000 г. сын его Фрам одолел в бою дракона Скату, а у слияния Лангвелла и Грейлина была построена крепость Фрамбург.

Рованионцы ничем подобным не отличались: жили в определённом ареале – лесостепи (а рохирримы, к примеру, лесов боялись), героев-драконоборцев среди них не водилось (да и просто полководцев тоже: войска Рованиона успешно действовали только под началом гондорцев), а укрепленный строить и вовсе не умели («селились большей частью на открытых местах» в низких деревянных домах, как повествуют «Unfinished Tales»). Мало того, даже языки у рованионцев и рохирримов, беорнингов и народов Дэйла и Эстарота отличны: у первых – явно готский, у вторых – древнеанглийский и древнескандинавский.

Часть рованионцев, не присоединившихся к Мархвини, «... бежали за Келдуин, Бегучую, где смешались с народом Дэйла под Эребором, с которым они состояли в родстве, иные укрылись в Гондоре ... В большинстве же северяне были обращены в рабство, а их земли заняли Возничие» («Unfinished Tales»). Об укравшихся в Гондоре речь уже шла, а тем, кому не передался пассионарный признак, была уготована рабская доля.

Не думаю, что отступление к Дэйлу, который, выходит, к 1900 г. уже существовал, можно однозначно назвать бегством. Бежать по степи от природных степняков-Возничих было бы делом безнадёжным, значит, было не бегство, а весьма организованное отступление. Да и жители Дэйла, не имея они должной пластичности поведенческих стереотипов, не приняли бы к себе такое количество пришельцев, на плечах у которых висел опасный враг.

Кроме того, в «Хоббите» есть упоминание о некой стране Дорвинион, лежащей близ моря Рун. Не исключено, что это была ещё одна ветвь рованионцев, отступившая к юго-востоку.

Таким образом, налицо пассионарный толчок, создавший северный суперэтнос. Фазы подъёма и акматическая его не попали в гондорские хронографы, да это и понятно, ведь пешего пути от Минас Тирита до Фрамбурга было «восемьсот миль» («Unfinished Tales») через земли наводнённые орками Туманных гор, затённые Дол Гулдуром и открытые набегам истерлингов, т.е. вести практически не доходили. Да у двух суперэтносов были и свои внутренние неотложные

Однако для занятий бизнесом или изучения прошлого пассионарности вполне достаточно. Хотя в Гондоре древние знания и были во многом забыты, но по замечаниям Гимли об архитектуре Минас Тирита, по присутствию таких персонажей, как Фарамир или Главный Управитель Обителей Целения, видно, что образование в Королевстве стояло на довольно высоком уровне, а науки и искусства развивались, пусть и в утилитарном приложении.

Традиционная гондорская внешняя политика (как тут не вспомнить блестящую византийскую дипломатию!) вновь принесла успех. Союз с Роханом (на сей раз именно союз, а не инкорпорация: изменить себя гондорцы уже не могли), заключённый дальновидным Кирионом, обеспечил Королевству возможность вести маневренную кавалерийскую войну, которую орки и харадримы вести просто не умели и терпели поражения, а тяжёлая конница истерлингов не могла найти себе применения в мощном ударе. Дело, конечно, не столько в коннице, сколько во взаимном доверии двух государств, ведь надёжными и полезными могут быть только искренние союзники.

Описанное упорядочение при медленном остывании пассионарности, возможно, и блекнет по сравнению с годами подъёма, но гарантирует системе внутреннюю безопасность и устойчивость ко внешним воздействиям.

И действительно, ни атаки из Мордора, ни нашествие балхотов, ни Долгая Зима, ни вновь активизировавшийся Харад не смогли нанести Гондору стратегического поражения. Несмотря на высокопарные речи Боромира и Денетора II, у Южного Королевства ещё были силы, и немалые. Битвы на Пеленорских полях и у ворот Изенмууга никогда не были бы выиграны, если бы Гондор на самом деле «бился из последних сил». Гондор 3000 г. ГЭ соответствовал Риму времён Траяна или Византии Македонской династии.

7. Север [3]

Итак, почему же исчез древний Рованион, а вместо него к середине III тыс. ГЭ на картах вдруг оказались Дэйл, Эстарот, Беорингги и рохирримы?

К концу II тыс. утраза для северян Ангары была ликвидирована, юг Зеленолесья затенён Дол Гулдуром, с Востока можно было ждаться любых неприятностей, гондорцы отступили за Андунин и Белые горы, а память о чуме 1636 г. ещё не загладилась. Поэтому естественным было уйти в более безопасные места – к северу, тем более, что в Эрборе набирало силу королевство гномов, торговля с которым была страшно выгодна.

Всё так, но этого мало. Для адекватной реакции на враждебные внешние обстоятельства необходима повышенная способность к действию, при этом она должна быть хотя бы у 3% населения, иначе этнос либо исчезает как самобытная структура, либо гибнет, как это произошло со многими племенами североамериканских индейцев, тасманийцами и как это происходит ныне с народами Крайнего Севера.

Иное дело средиземский Север. Но откуда же у северян появился необходимый для смены стереотипов поведенческий признак? Привнесённая из Гондора пассионарность не могла сыграть столь существенной роли: последствия контакта Гондора и Рованиона рассмотрены в предыдущей главе, и проявились они гораздо раньше, начиная со времён Ромендаклиа I.

Северяне «некогда были многочисленным и могучим *объединением народов*» («Unfinished Tales», «Дружба Кириона и Эорла», курсив мой – Э.), а в начале III тыс. вместо этого возникают

Абэ), что надеть маску на лицо – это значит подчиниться маске, а тут уж игрушки кончаются. «Другую реальность» никто закрывать не собирается, мало того, никто не даёт нам указаний, что там нам печатать, а что нет, но: у редакции нет интереса (и понимания) к теме рубрики (музыка, пусть плохая, но которую слушают, жития DJ-ев с коротковоловных станций, события «молодежной» культурной жизни, известные только авторам статей об этих событиях – это нужно, ибо газета «молодежная», а «Другая реальность» – это нечто заумное и страшно далекое от народа), а, соответственно, и предоставление газетной площади идет по «остаточному принципу»...

2) Да, мы вознамерились собрать в письменном виде все доклады с Семинара, да вот люди (эльфы, хоббиты и т.д.) или заняты или ленивы, ничего еще не прислали, но это объяснимо: для людей лень – двигатель прогресса: из-за лени возникли автомобили, станки, электрификация, связь, компьютеры и прочий хлам. Споспобствовало ли это прогрессу – вопрос спорный, но таковы люди. Хоббиты ленивы по определению. К эльфам и пр. я, пожалуй, несправедлив: «ленивый эльф» или «ленивый гном» – то же самое, что «электрический амфибрахий» или «лизинговый импрессионизм», но «факт налице». Никаких сроков для присылки докладов нет, просто Маша Каменкович решила (и это, в общем, верно), что нам надо как-то предоставить сведения о первом в России широкомасштабном неигровом толкиновском мероприятии на обозрение и суд международной общественности (преимущественно английской). Это не значит – не пугайтесь – что все доклады будут переведены на английский и рассмотрены святейшей инквизицией с последующим сожжением (либо канонизацией) текста (а заодно и автора): просто мною и Торином будут подготовлены небольшая статья и более обширное резюме по итогам Семинара, Маша их отредактирует и переведет, передаст англичанам, а там видно будет, что они с этим сделают (4). Естественно, лучше иметь перед собой настоящий текст доклада, полный и отредактированный с учетом вопросов из зала, а не среднего качества магнитофонную запись. Кроме того, тексты докладов нужны для истории и для прочтения и анализа интересующимися, а также для успешного воплощения в жизнь еще одной задумки.

3) Каменковичи вроде бы нашли в Петербурге довольно дешевую типографию, где можно будет реализовать не прошедший в «Северо-Западе» проект издания журнала «Эрэндилл». Не представляю, кто осмелится сей проект финансировать, но от Толкиновского общества требуется подготовить макет. Компьютерщиков у нас хватает, компьютеры и хорошие принтеры тоже есть – дело за тем, чтобы «начать, а процесс пойдет». Спектр материалов для журнала предполагается весьма широкий – исследования, критика, переводы, качественная «отсебятина» – стихи, проза, иллюстрации, письма читателей... (5)

4) Радиопередачу записать собирались, собирались, да так пока и не собрались – уже вроде бы утварили содержание (планировали записать сразу несколько передач), Торин взялся писать сценарий, да так по сию пору и пишет (а, скорее, не пишет)...

5) Сборище 30 апреля было наречено Семинаром, но в принципе являлось конференцией. Что же касается семинара, то мы его проведем в узких кругах где-нибудь в сентябре – там-то уровень докладов будет выше и, соответственно, работа пойдет

Сохранившие же своё «варварство» в течение почти 100 лет (с 378 г. до 475 г.) держали в страхе всю Восточную Римскую империю, выиграв войну у императора Валента (сам император был убит в сражении) и захватив ведущие посты в государстве и особенно в армии. Но, оторвавшись от привычных ландшафтов и не имея возможности традиционно вести хозяйство, да к тому же при отсутствии этнической доминанты, стали жить за счёт местного населения, постепенно превратившись из этноса в одну из «партий», борющихся за власть. Хотя готы успешно воевали с внешними врагами (зачастую против своих же соплеменников-германцев), они же использовали императорами для подавления восстаний и сбора налогов, поскольку не были «своими» для принявших никейское исповедание византийцев. Всё это не могло вызвать симпатии к готам, и при императоре Зиноне готская клика была заменена на исаврийскую, не менее, впрочем, жестокою и чуждую народу, но и защищать готов никто не испытывал желания.

Иное дело – северяне и Гондор. Если сопоставление Гондор – Византия правомочно, то история средиземского Севера I – начала II тыс. ТЭ вовсе не похожа на готскую. До появления гондорцев на Севере племена и народы к востоку от Великого Зеленолесья жили, не покидая своего ареала, вели натуральное хозяйство и представляли собой разне что некоторые культурное и языковое единство, т.е. их этносы находились в статическом состоянии. Контакт с Гондором вовлёк часть северян, а именно не слишком значительную часть их пассивариетов и слабопассивариетов, в процесс гондорского этногенеза. Прочие же, когда мощь Гондора с началом фазы надлома уменьшилась, предпочли уйти дальше на Север и в Долины Андлуина. Нашествие Возничих, чума, война с Ангмаром раскололи Север на две части: оставшиеся с Гондором, в отличии от готов Византии, сохранили самобытность даже к концу ТЭ (в хрониках постоянно встречается упоминание о различии потомков смешанных браков гондорцев и северян и коренных гондорцев-нуменорцев), да и вообще, если судить по сбору войск в Минас Тирите, гондорские народы мало перемешались между собой, сохранив довольно высокий уровень пассонарного напряжения, свойственный социоэтнической, а не социокультурной целостности.

Оставшиеся на Севере надолго пропали из поля зрения Южного Королевства, и тому есть свои причины, но о них позже.

Итак, к 1800 г. $(600 \times 3 = 1800)$ – среднестатистический срок конца акматической фазы ТЭ Гондор выбрался из бурной акматической фазы, на излёте коей при деятельнейшем участии вошедших в сулпертно северян сумел добиться в 1810, 1944 и 1975 гг. трёх знаменательных побед: в 1810 г. была уничтожена умбарская химера, в 1944 г. – окончательно разбиты Возничие, и угроза из степей Руна надолго миновала, а в 1975 г. пришёл черёд химеры ангмарской.

Это, однако, был последний взлёт, поскольку за ним наступил надлом. В летописях о времени между 2000 г. и 2475 г. ТЭ почти ничего не сказано, но факты налицо: гондорцы окончательно отступают за Андуйн, теряя связи с Севером; мордорский рубеж не охраняется; Минас Итил и Остилиат разрушены, их Палантири утрачены; Каленардон опустел; влияние на Энедвайт утеряно полностью; харадримы, вошедшие к 1900 г. ТЭ в инерционную фазу, хозяйничают в Южном Гондоре и в Умбаре; на удержание Итилиена не хватает сил, остаётся лишь вести там партизанскую войну; освобождённый было после войны с Ангмаром Эриадор забыт прочно и надолго – это при взгляде извне. А внутри в это время угасла династия Королей, были преданы забвению эльфийские традиции: «После Королей Гондор погрузился

уши обратилась с призывом писать комментарии свои и указать на какие-либо ошибки и недоработки в ее переводах и комментариях... Комментарий Маши и Валеры, на мой взгляд, хороши тем, что являются не просто набором сведений, но образуют систему, основанную на трудах великих православных философов и богословов. Нужно это все (комментарии и замечания) для подготовки второго издания перевода Каменковичей (таковое может быть, не скоро, конечно). Его величество Король Под Горой, например, уже ухитрился написать свои комментарии, они очень интересные, в основном посвящены отсылкам на библейские тексты и тексты различных эпосов (в основном «Беовульф»), а также «Шахнам» (7). Я – невеликий знаток текстов: Эдды, «Беовульф», «Калевалу» я, конечно, читал, но вот времени для проведения кропотливого анализа нет, а всяческие историко-географические ассоциации – это мои домыслы и гипотезы, которые хороши для доклада, но не для комментариев. Кое-что, правда, я отыскал. Вот мои наблюдения вкратце:

1) о германском происхождении фамилии «Бэггинс» (встречался такой комментарий в «Хоббите»). Может, с языковой точки зрения это и верно, однако, помнится, Бэггинсы были родом древним и жили в Холме, и поля их и сады размещались на склонах Холма, а также любили они указывать на свое отличие от тех, кто живет на Реке. По сведениям же такого авторитета по истории средних веков, как А.Я. Гуревич, на холмах селились и возделывали свои поля на склонах холмов кельты, а германцы, когда явились в Британию, освоили под пашины долины рек, пользуясь тяжелым колесным плугом. Известно также, что кельты кичились перед германцами своей знатностью и культурой (как тут не вспомнить амбиции магущи мистера Бильбо!). Вот и получается, что если уж позволено искать в комментариях корни фамилии Бэггинсов («фамилия», т.е. семья), то они скорее кельтские;

2) мечи, точнее кинжалы, взятые хоббитами из курганов, имели форму длинного тростникового листа – типичное оружие кельтов годелической культуры;

3) камни на курганах: «...В память о знатных людях следовало насыпать курганы, а после смерти людей, отличавшихся доблестью, нужно было ставить баумастейны [памятные камни], и этот обычай держался потом долгое время» (Хэймскрингла (8), Сага об Инглингах, Законодательство Одина).

Все это подчеркивает глубокую древность курганов и аллюзии на распад кельтских и англосаксонских королевств.

4) совершенно ясная аллюзия на Евангелие от Матфея, глава 5, стихи 33–37 (9) – о клятве, когда Гимли ведет спор с Эирондом о клятве;

5) сбор гондорского воинства для битвы на Пеленнорских полях – трудный, долгий и неудовлетворительный – напоминает описание сбора бургундского войска в «Песни о Нибелунгах» перед войной с саксами: тот же приход вассалов с дружинами, как на работу, по обязанности, а не по зову сердца (впрочем, почему «как»? – Рыцарям война за своего короля и была работой, они за это зарплату – бенефиции – получали)...

...Теперь следует сказать об имени моём. Эрандил – это вроде бы по-синдарински равно «эр» + «ра(э)н» + «ндил» = любитель странствовать в одиночестве, хотя Ваша расшифровка – «посвящённый Единному» – очень для меня лестна и симпатична. Поскольку

каждый всякий может назваться «любителем постранствовать», то полагается «легенда», и она такова.

...Об Эрандиле же говорят так. Был это человек известный в Эриадоре, много странствовавший в одиночку и с караванами, по суше и по морю. Не слыл он бродягой, но и не ведал никто доподлинно, где его жилище: говорили, где-то близ устья Брендивина. Кто же родители его, одинок ли он – того никто не знал.

Жил он тем, что, странствуя, передавал сообщения, что нельзя было доверить почте или караванщикам. Эрандилу же доверяли, но никогда он не уходил по пути поручения, напротив, поручения искали его. С виду не был он стар и умудрён, но столь много рассказывал о Древних Днях, будто был им свидетелем, многое также рассказывал он о Среднеземье такого, что можно было видеть лишь собственными глазами, и уйти на это должны были годы и годы.

Первые упоминания об Эрандиле относятся к началу Четвертой эпохи – он пришел в Тарбад, поднявшись вверх по Серострую. Тарбад был постепенно отстроен и стал бойким торговым перекрестком. Эрандил свёл знакомство с неким Гамилькармом Брюэром, державшим корчму. Брюэр имел некогорый тешёт на торговле сведениями для купцов. Эрандил же доставил ему немало полезных советов, и вскоре тот стал владельцем частной почты и лавки, торгующей новостями. Сам Эрандил не получал с этого ничего, но пользовался покровительством Брюэра, а это значило многое в Эриадоре. Со временем скопились у Брюэра в немалом числе книги и иные занятные вещи и рукописи, привезённые Эрандилом из походов, и Брюэр смог доставлять из них сульям и чиновникам справки из истории и древнего права, что дало ему новые деньги и ещё добавило веса.

Так прошли десятилетия, а Эрандил всё являлся то там, то здесь в Эриадоре. Брюэр умер уже, и место его занял сын его, Эрандил же будто не старился.

Прошли века, а в гостевых книгах и семейных записях Бри, Тарбада и иных городов и селений Эриадора имя Эрандила нет-нет, да появлялось.

Ныне мудрые склонны считать, что Эрандил – просто нарицательное прозвище для тех, кому не давал покоя ветер странствий, нося их по Среднеземью туда-сюда. Людей таких было немного, но были таковые всегда, и известны были они многим в силу характера их деятельности, хотя зачастую скрывали подлинное своё имя и скрывались под именем легендарного своего предшественника.

Но существует и поверье, или легенда, что Эрандил – тот самый Любитель Странствовать В Одиночестве, пришедший в Среднеземье из другого времени, свободно ходящий по мирам и эпохам и живущий вечно, подобно Агасферу, но не по причине наложенного проклятия, а вдохновлённый и преобразённый силой Тоски по Началу и Концу времён, ибо надеется увидеть вновь тогда ушедших на Заокраинный Запад Эльфов, которых знал, и ответить перед ними за некое Поручение, кое считает себя призванным выполнять на Земле.

Обоснованием столь романтической версии служат лишь немногие сохранившиеся дневники и стихи, приписываемые Эрандилу. Компьютерный анализ дает как наиболее вероятную версию принадлежность их единственному автору, жившему, впрочем, скорее

Но ход природных процессов неумолим, и эпоха королей-строителей и Морских Королей, королей-отцов державы, сменилась эпохой королей-цезарей, королей-себялюбцев: наступила акмагическая фаза. Атанатар больше радел о собственном покое, нежели о Королевстве, а зря: на Дол Гулдуур уже пала тень, тревожно стало на мордорских границах, а гондорские пассионарии стали ненадёжны. До вооружённых столкновений дело пока не доходило, но явно шла борьба идей и стремлений по принципу «все прогив всех», не случайно в Приложении А к «Властелину колец» сказано, что Ромендакил II вдруг стал испытывать нужду в людях (надо понимать, в *верных* людях; а ведь прежде такого не случилось!), а потому привлёк к себе северян.

Северяне к XIII в. ТЭ находились в томеостазе. Пассионарный толчок 1000 г. фактически не задел их, так как жили они в те времена в основном к востоку от Великого Зеленолесья, а ось толчка прошла по долине Андуйна. Великий лес же, как ландшафт монотонный и малонаселённый, да ещё более опустевший после появления назгулов, никак не способствовал дрейфу пассионарности к востоку.

Таким образом, северяне были консервативны, но искренни в своих симпатиях и антипатиях, поэтому небольшие пограничные инциденты на северных границах Гондора прекратились, а Королевство обрело новые силы, ибо в результате интеграции Рованиона система, в акмагическую фазу очень гибкая, усложнилась: Север получил из Гондора пассионарность, что не добавило спокойствия внутренней жизни Королевства, но это же и спасло Королевство в конце II тыс. ТЭ.

Объединение Севера и Гондора стало формальным поводом для мятежа Кастамира, но когда пассионарная энергия ищет себе выход, повод найдётся всегда. Усобицы в Гондоре не были случайны, природные закономерности брали своё. Но здесь-то и проявляются последствия содеянного в прошлом, часто весьма далёком: одни государства рушатся и не поднимаются более, народы исчезают, оставив лишь имя, а иные переживают тяжёлые дни, но после словно воскресают – и процветают. Описанная выше система стереотипов поведения гондорского суперэтноса выдержала испытание временем.

При рассмотрении отношений северян и Гондора напрашивается параллель с отношениями между готами и Византией, но сходство здесь лишь внешнее. Готы в IV–VI вв. находились в акмагической фазе и расселились по всей Европе, основав несколько королевств, но их энергия не нашла себе применения в какой-либо стройной системе, поэтому племена готов или потибли, или растворились среди народов покорённых ими же стран. С Византией готы поначалу враждовали (не только из-за неких материальных приобретений, но и потому, что готы, как и прочие германские племена, исповедовали христианство арианского толка, кое в Византии было осуждено на Вселенском соборе 381 г. в Константинополе как ересь), затем, после бурных событий, описание которых заняло бы немало места, часть готов поселилась на дунайском рубеже, выполняя роль пограничников, а затем готы и вовсе перестали существовать как самостоятельный субэтнос в составе Византии, так как доминантой византийского суперэтноса было православие, а не национализм, и индикатором отлгичия этнических элементов были вопросы «Во что веруешь?» и «Как веруешь?» (т. е. ортодоксально или еретически), а основной единения – изречение «... нет ни Еллина, ни Иудея ...» (Кол. 3, 11). Готы, принявшие православие, сохранили жизнь, но потеряли самобытность.

духовная и светская уравнивали друг друга, вследствие чего новая этническая целостность была крепка», – пишет Л.Н. Гумилёв.

Также, хотя несколько по иному принципу, организовался и гондорский суперэтнос: на деле в Гондоре властвовали не император-диктатор и не теократия (особенно во времена Наместников), но диктатура совести, выраженная в догматах веры и в законах. Но, как известно, самые чистые каноны вероисповедания и наилучшие законы могут быть обращены в свою противоположность (например, инквизиция времен Торквемады или СССР с самой демократичной конституцией того времени – сталинской). Посему определяющим является то, чему вера и законы являются индикатором, а именно система стереотипов поведения, складывающаяся из отношений на уровнях:

- 1) персона – персона,
- 2) субэтнос – персона,
- 3) субэтнос – субэтнос,
- 4) этнос – субэтнос,
- 5) этнос – природа.

И принцип диктатуры совести соблюдался на всех пяти уровнях, вот почему Гондор сумел выстоять и во внешних войнах, и во внутренних усобицах, сохранив лояльность всех составляющих суперэтноса центральной власти, а также и кормящий ландшафт. Тот же симпатичный принцип помог Гондору найти искренних и верных союзников на Севере и в Долинах Андлуина, а также в течение довольно длительных периодов времени мирно сосуществовать с воинственным и опасным Харадом.

Продолжавшийся к началу ТЭ процесс нумерского этногенеза наложился на процесс, начавшийся в результате нового пассионарного толчка, но не повлёк за собой каких-либо внутриэтнических столкновений, ибо система была гибка. Дунаданы-нуменорцы нашли своё место в обновлённом суперэтносе как победоносные воины, не изменив при этом присущий нуменорцам стереотип поведения: гордость, суровость, некоторую отчуждённость и довольно высокомерное отношение ко всем прочим народам. Рыцари Дол Амрота и династия Наместников – вот примеры нуменорских субэтносов и консорций, доживших до конца ТЭ в гондорской среде.

История Гондора I тыс. ТЭ – история великих военных побед и мирных деяний. Конечно, главный враг – Саурон – в то время отсутствовал в Средиземье как деятельная сила, но опасностей у Гондора и без него было немало. Тем не менее, сначала к 590 г. Ромендакил I и Турамбар разбили восточное нашествие (а те племена – назовём их условно «истерлинги-1») – тогда находились на самом пике акматической фазы, так как были подняты тем же пассионарным толчком широтного направления, что и Гондор, т.е. были очень сильны), а к 1050 г. Хьярмендакил I блокировал Умбар и усмирил Харад (правда, ненадолго: меридианальный пассионарный толчок, по всей видимости, 1000 г., прошёл через пустынную северную часть Туманных гор. Ирисные низины, населённые Дикие земли к востоку от Андлуина и Мордор и, наконец, через Кханд и Ближний Харад. В результате к 1500 г. Юг вновь стал беспокоем и могуч и освободился от гондорской зависимости).

В это же время – до 1000 г. – Гондор распространил своё влияние на Каленардон и в какой-то степени на Энедвайт, обрёл господство на море и побережьях. Были построены новые и отстроены старые города: Остилиат, Минас Анор, Минас Итил, Пелартир.

всего, не так давно...

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Валар Оромэ (Андрей Мартьянов) – бывший член ТО СПб, писатель.
- (2) Сага о Семинаре // Сорока. – Другая реальность, № 5. – 1995. – URL: <http://www.tolkien.spb.ru/s1.php>
- (3) Опубликовано в «Другой Реальности» №6
- (4) Замысел не был осуществлен.
- (5) Выпуск журнала не состоялся.
- (6) Пихвинцы – члены тихвинского клуба толкинистов «Хобби-Т-Клуб «Иди со мной»» (В. Каторгина, Н. Ровнякова *(в тексте статьи неправильно «Равникова»)*), Е. Утемова, Т. Шишова и др.), до этого участвовавшие в Первом Большом Толкиновском Семинаре (см. примечание 2).
- (7) См. «Палантир» №14 – 15. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/comment.htm>
- (8) «Хэймекрингла» («Круг Земной») – сборник sag, приписываемый исландскому скальду Снорри Стурлусону (1178 – 1241).
- (9) «33. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.
34. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;
35. ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;
36. ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.
37. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Ср.: «...– Но пусть не клянется колеблющегося, – не согласился Гимли.
- Слово обета может укрепить колеблющегося, – не согласился Гимли.
- Или сломить его, – молвил Эронд» (глава «Кольцо отправляется на юг», пер. М. Каменкович и В. Каррика))

Отрывок из баллады о Берене и Лутизнь

24.04.1995

... Ваши переводы мне понравились, особенно «Песенка Фродо». Вот небольшие и небогатые плоды моих усилий на ниве переводов — последние два восьмистишия из баллады о Берене и Лутизнь, спетой Арагорном на Weathergor (я перевожу как Наветерь, от морского «weather» — навстречный, и помня про Амон-Сул, Гору Ветров). Остальная баллада — в процессе (мне не нравятся — по разным причинам — ни перевод Кистяковского, ни Григорьева и Грушецкой, ни Сергея Степанова).

Он поднял взор: в ее глазах
Под сумрачных волос фатой
Огонь, трепетавший в небесах,
Мерцал, зеркально отраженный.
Тинувивэль, чьей чистотой
Пребудет мудрость дев в веках
Влекла его волос волной
В плен рук, луной посеребрённых.
Их рок обрек стезе невзгод
Меж скал холодных и седых,
В железный зал, за мрачный свод,
В леса безвременных теней.
Моря разлук легли меж них —
Одна любовь для встречи брод
Нашла: удел покойный их
В краю без тягот и скорбей.

* Из письма к М. Семенихиной.

нившуюся благодаря разнообразию ландшафтов некоторую гибкость этнической системы, и к середине XV века ТЭ вступил в мемориальную фазу (900+200×3 = 1500, где 200 — средняя продолжительность фазы обскурации). Оборона королевства держалась пограничниками-пассионариями, столицы же увядали все быстрее и быстрее, а к 1974 году их уже некому было защитить, и новый удар ангамарской антисистемы (ангмарцы, подобно умбарским морским пиратам, были пиратами сухопутными) уничтожил героический, но обреченный Артедаин. Выжили только далекие от мест ведения войны слабопассионарные хоббиты да брийские крестьяне, а также все те же пограничники-дунаданы, небольшой к тому времени субэтнос, сохранивший этническую традицию и не погибший лишь по причине вмешательства Гондора, которое положило конец ангамарской химере. Сколь невелика была пассионарность даже у северных пограничников, свидетельствует численность отряда Халбарада: дружина из 30 человек — вот и весь «пассионарный фонд», оставшийся у Севера.

The Kingdoms in Exiles. Гондор.[1]

Но вернёмся на юг.

Гондор в общих чертах повторил бы судьбу Арнора, но пассионарный толчок I г. ТЭ, не ломая традиций, унаследованных от владык Андуниз, дал рождение новому суперэтносу — гондорскому. В него, как начальные компоненты, вошли нуменорцы из Андуниз, нуменорцы-жители поселений, основанных на берегах Белфаласа (в том числе Пелартира и Дол Амрота), а также разнообразные древние племена и народы Семирежья от Андраста до дельты Андунина, от побережий до Белых гор. Вспомним сбор войск в Минас Тирите перед битвой на Пеленнорских полях: несмотря на то, что к 3019 г. ТЭ Гондор находился уже в середине инерционной фазы, т.е. войну должна была вести **профессиональная** армия (а иного представители суперэтнуса инерционной фазы и помыслить не могли), **все** гондорские провинции прислали подмогу, пусть немногочисленную.

Что же за идея объединила столь различные, на первый взгляд, этнические элементы? Доминантой гондорского суперэтнуса стала вера (подобно тому, как вера христианская создала Византию), а также осознание Гондора как единственного оплота и защитника этой истинной веры. Толкин исключил из текста «Властелина колец» какие-либо упоминания о религиозных культах, но по речам Фарамира в Хеннэт Аннун, описаниям церемоний при гондорском дворе и некоторым фрагментам из «Unfinished Tales» можно понять, что гондорский, а ранее и нуменорский, Короли одновременно обладали и высшим духовным саном, олицетворяя, таким образом, королевскую власть как власть данную свыше, а Короля — как человека, обличённого этой властью, но одновременно и ответственного перед Богом за вверенное ему владение. Таким образом, Король не имел права на произвол и безответственность (тот, кто этим правилом пренебрегал, не пользовался доверием подавляющего большинства гондорцев, и Кастамир — тому пример), а народ чтит Короля как исполнителя высшей воли на земле, а потому с готовностью шёл на битву и на труд.

Подобная система существовала и в Византии, где базилиеве допускался к участию во Вселенских соборах, т.е. принадлежал к кругу высшего духовенства, но был подотчётён патриарху, как своему духовнику. Патриарх же зависел от императора как высшей светской власти и помазанника божьего, но без благословения патриарха войско не пошло бы в бой. «Силы

субпассионарии либо вовлекаются в сферу действия пассионарного поля и могут быть исключительно полезны как исполнители в любой сфере – в управлении, в науке или на войне, но когда нет достойных лидеров, срабатывает «эффект толпы». За казавшейся бесконечной эпохой процветания, «цивилизации», наступает фаза обскурации (от лат. *obscurus* – «сумерки»).

И такая судьба ждет, увы, любой суперэтнос: так прожили свой «золотой век» Рим, Византия, Арабский халифат, Киевская Русь, средневековый Китай, то же ожидает и представляющуюся сейчас незыблемой «западную цивилизацию» – германский фашизм и бомбы на Хиросиму и Нагасаки первейшие тому свидетельства. Внутри суперэтноса происходят бесконечные неурядицы и свары, но это не гражданские войны надлома, когда пассионариев недостаточно, чтобы поддерживать войну «всех против всех», но вполне хватает для образования нескольких устойчивых консорций-партий, которые, абсорбируя большие массы субпассионариев и гармоничных людей, и ведут меж собой борьбу. В фазе обскурации же колебания пассионарного напряжения незначительны по абсолютной величине, но на общем низкопассионарном фоне они приводят в движение огромные массы, а ввиду отсутствия энергии на поддержание сколь-нибудь надежных системных связей и наличия господства стереотипов поведения, присутствующих субпассионариям, со всем их «джентльменским набором» из клятвыпреступления, бессовестности, трусости, лени, потакания сиюминутным побуждениям, все это кончается трагической гибелью культуры и огромного количества людей («культурная революция» в Китае – тому пример). И не так жалко беспринципных субпассионариев, как никак не понятных пассионариев и тружеников – гармоничных людей. В такие времена этносы легко становятся жертвами своих более активных соседей, ибо субпассионарии не в состоянии защитить даже самих себя.

Фаза обскурации кончается, когда субпассионарии, расстратив и промотав почти все, что было накоплено этносом за его долгую жизнь, погибнут, так как обеспечить свое существование не смогут, и этнос либо исчезнет, либо, при наличии некоторого количества пассионарности на границах суперэтнического ареала (вспомним, что пассионарность как генетический рецессивный признак «дрейфует» из эпицентра ареала к его окраинам с течением времени), гармоничные личности не дадут этносу пропасть, и, отстояв самобытность в борьбе с соседями, этнос уже не способен на какие-либо деяния (да и не хочет этого), но традиции еще сильные и жива историческая память о прошлом (а не только сказки и эпос). Пример этносов мемориальной фазы – Грузия и Армения, некогда входившие в Византийскую империю.

Рассмотрим историю Арнора: в 861 году ТЭ королевство распалось на три части, а перед лицом ангарской угрозы такой шаг был весьма неуместен – это и было наступлением фазы обскурации. Дальняя окраина – Рудаур и Ангмар – быстро образовали химерную целостность, ибо удержат совершенно непохожий на Эриадор этноландшафтный регион, населенный этносами-реликтами Второй эпохи, можно было только силой, а сил таких у Арнора уже не было. В Кардолане же монотонный ландшафт и, следовательно, монокультурность хозяйственной деятельности при малой населенности не дали необходимого для жизнестойкости многообразия этнической структуре. Война с Ангмаром 1409 года и чума 1636 года привели к исчезновению Кардолана, ибо чума одинаково поражает и пассионариев и субпассионариев, но чтобы подняться после чумы этносу нужны пассионарии, а их и вовсе не осталось.

Артедаин сумел преодолеть фазу обскурации, используя союз с эльфами и сохра-

Мифопоэтическое пространство в литературе XX века

Оправдание темы

По географии в литературе, имеющей отношение к жанру фантастики, сказано и написано немало, и добавить, кажется, уже больше нечего, за двумя значительными исключениями.

Во-первых, необходимо учесть, что к изучению географии фантастического мира следует подходить не только с позиций географии физической, исторической, политической и пр., но и постоянно помнить, что пространство фантастики – а география не может существовать как наука без более или менее четкого определения категории пространства (иначе непонятно, что именно изучать и как) – является пространством мифологическим, то есть отличным от привычного для географии пространства физического.

С точки зрения современной физики пространство – это нечто абстрактное, отделенное от своего наполнения, буквально – одна из форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. Все направления и части его равнозначны, да и сами понятия о каком-либо направлении и членении в таком пространстве относительны.

В восприятии же мифопоэтическом пространство является гармоническим равновесием соподчиненных частей и имеет эстетическую ценность, а потому доступно отражению в Слове.

Пространство противоположно не-пространству, космос противопоставит хаосу как последующее – предначальное, мир – пустоте (вспомним, что, скажем, толкинские Арду и Эа окружает Кума – Бездна, Пустота, Ничто). В то же время в центре пространства (а мифопоэтическое пространство имеет центр) всегда существует неосвоенный, не переработанный космосом очаг хаоса – источник конфликтов. Возьму на себя смелость утверждать, что в Среднеземье таковой локализуется как Ородруин. Вторым центром (и он обязательно присутствует в мифопоэтике), через который проходит ось мира, осуществляется связь мира горного с миром дольным, у Толкина, по крайней мере в Первую эпоху, это вершина Манвэ, Ойолоссэ.

Мифопоэтическое пространство неотделимо от предметов, его наполняющих, и от времени, в котором они пребывают, ибо и ценно оно их содержанием и взаимосвязями, меняющимися непрерывно. В связи с этим различны и разнородности направления в пространстве и его части: Север – колдовской, демонический, Запад – обожествленный, духовный, но там же и вход в царство мертвых (Чертоги Мандоса, например), Восток – необъятный, таинственный, плодородный.

Пространство надлежит быть познанным, пройденным и освоенным, для чего эпический, литературный герой продлевает путь, – притом весьма окольный (Фродо тоже подходит к цели далеко не прямым путем) – не путешествие, но миссия, и каждый шаг его символичен (мост, пещера, ворота, перекресток, гора, лес, болото – всею преодолеваются некая граница между «своим» и «чужим»), делается выбор между истинным и ложным) и неслучаен. Некий сакральный символ должен быть доставлен в центр пространства, дабы утвердить приятие мира перед Творцом, провозглашая объединение частей пространства одним телеологическим замыслом, восстановление на более высокой духовной ступени былого единства горного и дольного, признание жертвы Творца, ограничившего себя этим актом творения, путем Спасения Творения, переход (эвакуацию) от мира старого к миру Новому.

Вторая и не менее важная особенность состоит в том, что география мифопоэтического мира логична и неслучайна. Во многих книгах жанра *fantasy* мы сталкиваемся со следующей картиной: если гора – то вдвое выше Эвереста, если обрыв – 10 километров высотой и 10000 длиной, если пустыня – то в полпланеты, если болото – стокары ужаснее амазонской селвы, если плоскогорье – непрерывно «агтерьяный мир», если архипелаг – то площади превышающей Евразию и с такой изрезанной береговой линией, что в пору применять математику фракталов и т.д. Опять же, у Толкина такого нет, зато карта Среднеземья всем очень-очень что-то напоминает: Северо-Запад Среднеземья невелик – не больше Западной Европы, сеть горы – вполне обычные, не выше 4000 м, река – большая, но не больше Дуная, лес – великий и таинственный, но вполне нейтральный, есть сады, степи, пустоши, города, пастбища и поля, луга и холмы – все как на Земле. Только вот почему «как»? И где же такое на Земле? Ответ: не «как», а на Земле, поскольку и Среднеземье, и все другие мифопоэтические миры в начальном и конечном счете – наш мир; вымыслена (а скорее реконструирована) историческая эпоха. А значит и истоки построения мифопоэтических географий именно такими, какие они есть, следует искать на Земле.

Но системный подход – не просто красивое словосочетание: Толкин сам отменял в письмах, что прямого переноса, калки с поверхности Земли на Среднеземье нет. Источников географии мифопоэтического пространства всегда несколько, связаны они между собой оригинально, то есть в основе построения географической среды фантастического мира лежат не принцип суммы, а принцип системы.

Ощущение мифопоэтического пространства. Мифопоэтическое пространство в литературе XX века

И, тем не менее, все сказанное выше не дает четкого критерия для отличия мифопоэтического пространства как от пространства мифа, так и от пространства реального или, что будет правильнее, физического. Вряд ли найдется прозаическое художественное произведение, где нет ни единого слова, по наличию коего можно было бы ответить на вопрос «где?». Даже если нет ни единого топонима, всегда обнаружится что-нибудь вроде таких понятий, как «дом», «дворота», «улицы», «комната», «диван», наконец. А уж если попытаться, хотя бы в воображении, полвинуть этот диван, он немедленно потянет за собой столы... Даже потянув за гораздо менее массивный предмет – колечко, Толкин извлек на свет сквозь круглую дверь норы Бильбо Бэггинса целое Среднеземье.

Но коль скоро пространство есть везде, то какое из всех этих пространств должно считать мифопоэтическим? Очевидно, что ему присущи некие атрибуты, которые и отличают его от иных. На мой взгляд, производные мифопоэтического пространства, должны характеризовать: а) фантастичность, б) историчность, в) мифология, г) поэтика, д) такая плотность информации о пространстве, что возникает явная потребность в графических средствах ее отображения, е) сиречь в карте.

О том, что считать фантастическим, говорено многократно. Толковые словари беспомощны, чтобы дать четкое определение. Засим обратимся к авторитету. В эссе «О волшебных сказках» в главе «Фантазия» Толкин выводит такое определение: фантазия, связанная непосредственно с фантастикой, есть вид рациональной деятельности, способность создавать образы не существующего в реальном (первичном) мире и придавать им при этом внутреннюю логичность реального, то есть порождать «вторичное творение» (sub-creation) и вселять «вторичную веру» в его существование. Определение сформулировано мною лично на основе изложенного Профессором и, конечно, длинновато, но иное мне показалось бы неполным, ибо речь идет о довольно сложном предмете.

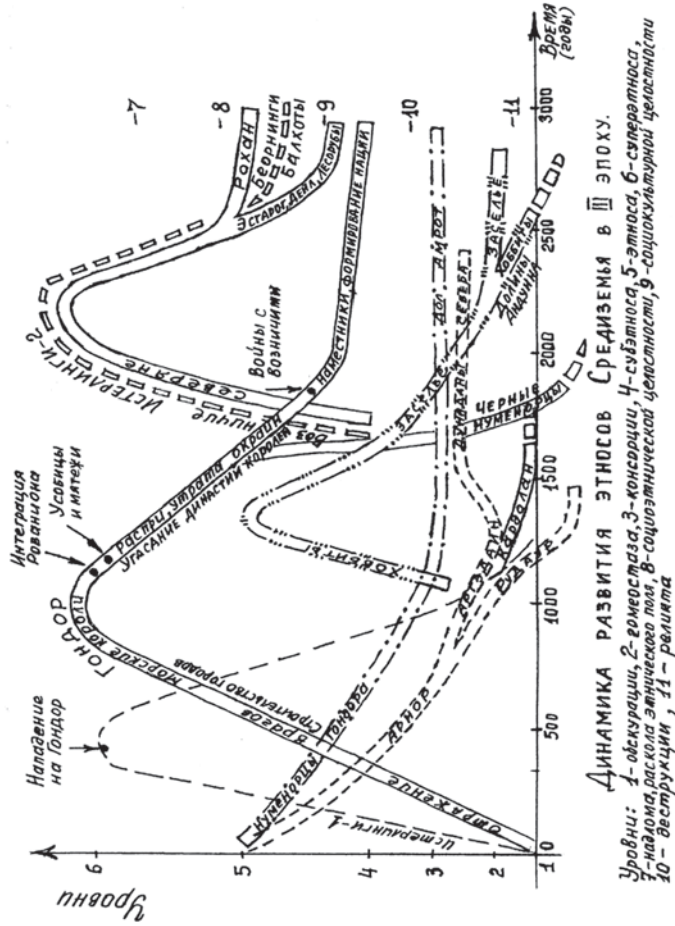
Историчность понимается как определенная постанова авторской задачи. Автор прежде всего стремится поведать читателю историю, сиречь любое действие его героев обусловлено историческими закономерностями эпохи, в которой они живут. Пользуясь «Заметками на полях "Имени розы"», скажу: любое действие, совершенное героями, могло произойти только в том месте и в то время, о коем повествуется в произведении. Все прочие аспекты и толкования: моральные, аллегорические, аналогические – суть производные от прямого, сиречь исторического.

Мифопоэтика, в отличие от мифологии и поэтики, являет собой «чего-то особенного». Но и миф, и поэтика в ней присутствуют. Миф – это, как известно, древнее народное сказание о боггах и героях, предел спрессованности времени и обобщения, когда время перестает быть временем: миф лежит вне времени. Взгляд изнутри мифа напоминает обозрение четырехмерной панорамы с вершины бесконечно высокого башни, когда пространство видно разом во все времена, им прожиты, как своего рода «коллективное бессознательное» народа. В одиночку на такую башню не влезть, посему мифопоэтика предполагает личностное творчество. Обращаясь, опять-таки, к Умберто Эко, мифопоэтика есть переосмысление истории, даже пронизывание над нею, но ирония эта серьезна: речь все равно идет об истории. Об Истории. Это игра ума, которая перестает быть игрой. Что до поэтики, то здесь можно обойтись и статьями ожеговского толкового словаря: поэтика (в третьем значении, правда) – поэтическая манера, свойственная данному поэту, направлению, эпохе. «Поэтическая» в данном случае происходит от слова «поэзия», под которым, опять же в данном случае, подразумевается его третье значение: красота и прелесть чего-нибудь, возбуждающие чувство очарования. То есть поэтика здесь – очарование, красота, прелесть отраженной в произведении эпохи, ее направлений и ее поэтов (то есть, говоря словами классика, тех, «кто прожил жизнь трагически»). Конечно, поэтика в том виде, как она представляется Автору, создателю «второй реальности».

И, наконец, о картах. Это, разумеется, мое субъективное ощущение, но, как показывает опыт общения с более-менее единомышленниками, не только мое. Уже было сказано о тех «шледевах» fantasy,

пропорциональна средней продолжительности жизни представителей рассматриваемого этнического коллектива, и, учитывая (по хроникам королей и заместников), что срок жизни у дунаданов в 3 раза превышает оный у других народов, обозрим историю Kingdoms in Exiles.

За почти девятьсот лет (средний срок инерционной фазы – 300 лет, 900 = 300×3) Арнорское королевство заняло огромные территории Эриадора, были построены многочисленные крепости и оборонительные валы, проложены дороги, над реками появились мосты, расцвели земледелие (огромные чаши, тянувшиеся некогда от Синих до Туманных гор, были сведены под пашни и пажити) и ремесла (пример тому – клады в Курганах), но, тем не менее, в летописях констатируется медленное увядание Северного королевства, и это верно, ибо в инерционной фазе этногенеза, которую переживал в те годы Арнор, на фоне стабильности и благополучия происходит неспешный, но неуклонный спад пассионарного напряжения этнической системы. Целостность системы поддерживается за счет традиции, сиречь за счет нежелания гармоничных особей, доминирующих в это время в системе, менять привычный жизненный уклад, поступаться чем-либо ради некоей цели. Императивом поведения становится «Будь таким, как я!», то есть придерживайся какого-то «золотого стандарта» (коими стали в Риме император Антонин, в Англии – джентльмены, в США – «деловой человек», в Киевской Руси – «честной народ православный» и т.д.). Всякое отклонение от сего стандарта (в любую сторону – лучшую или худшую) воспринимается как чудачество, «дура», а то и преследуется законодательством как преступление (дуэль, бывшая в порядке вещей в конце XVII в., в конце XIX в. стала «дикостью»). В Арноре таковым стандартом стал рыцарь-дунадан, «ностальгист» по былому Нуменору. С одной стороны, такое положение вещей благоприятно, поскольку соблюдение традиции (будь она выражена в законодательстве, религии, административном управлении или в культуре) дает гарантию спокойного безбедного существования. С другой стороны, упрощение поведенческих стереотипов делает этническую систему жесткой, неспособной к изменению (для этого нужна пассионарность, а ее все меньше по причине как процесса энтропии, так и в силу той же традиции, так как система не способна удерживать в себе пассионариев и либо устраняет их, либо игнорирует). Расходуя, таким образом, ценности, накопленные в прошлом, система дает успешно шлодиться субпассионариям, неспособным сколь-нибудь проявить себя во времена тяжелых или при наличии достаточного количества пассионарных личностей. Теперь же они имеют возможность не просто выжить, но и занять различные руководящие должности в ставшей жесткой этнической системе, да и, обладая значительным «удельным весом» от общего количества населения, начинают диктовать свои условия, как произошло это в Риме в эпоху «солдатских императоров» или на Руси в период «феодалной раздробленности». Поведенческий императив этих людей – «Будь таким, как мы!», «День, да мой!», то есть не стремись ни к чему, кроме того, что можно съесть и выпить. «Хлеба и зрелищ!» (или же «Волку, закуску и бабу!») – исчерпывающая характеристика их, с позволения сказать, «менталитета». Субпассионарии чужды не то что какой-либо целенаправленной самостоятельной деятельности или заботы о будущем (в том числе и о своем, как большевики из замечательного своей выразительной документальностью романа Николая Островского «Как закалялась сталь», которые вспомнили, что зима, несмотря на социальную революцию, все же состоится, и что нужно строить дорогу для подвозки дров, только с наступлением холодов), сохранению и приумножению ценностей прошлого, они неспособны даже к элементарному самоконтролю, При наличии пассионариев

Динамика развития этносов Средиземья в III эпоху.

Уровни: 1 - обскурация, 2 - гомеостаз, 3 - консервация, 4 - субэтносы, 5 - этносы, 6 - суперэтносы, 7 - надэтносы, 8 - раскола этнического лага, 9 - социологическая целостности, 10 - деэтноцизация, 11 - религия

The Kingdoms in Exiles. Арнор

Итак, с низвержением Нуменора сторонники короля исчезли с исторической сцены, в результате чего нуменорский суперэтнос резко упростился, сбросив непомерную тяжесть связей между его составляющими, на поддержание которых требовалась огромная энергия. А энергии этой уже не хватало, она была растратчена в предыдущих фазах этногенеза. Но после разрыва системных связей энергия, уходящая на их поддержание, освободилась, что и позволило нуменорцам не погибнуть как самобытному суперэтносу.

Собственно, только Верные могли теперь называться нуменорцами, поскольку Черные Нуменорцы утратили этническую традицию и стали «людьми без рода, без племени», а колонии, основанные на окраинах, либо погибли с новым появлением Саурана, либо стали похожи (а, точнее, не похожи) на загнившую метрополию, как древний Карфаген на Финикию.

Освободившаяся энергия и правильный «выбор веры» позволили Верным при помощи эльфов Гил-Галада и народов долины Андуина, связанных с ними взаимной комплементарностью, одолеть вновь созданную Сауроном антисистему. Возможно, в дальнейшем на Северо-Западе сложилось бы некое подобие Римской империи эпохи Антонинов, но логика событий была нарушена новым пассионарным толчком, давшим начало отсчета Третьей эпохе.

Ось этого толчка прошла через Гондор в широтном направлении. Арнор остался незатронутым. Именно в этом, а не в неприязни потомков Исилдура и Анариона, причина все большего и большего отчуждения Северного и Южного королевств и причина того, что Арнор исчез, а Гондор выжил.

Придерживаясь сделанного ранее допущения, что длительность фаз этногенеза

кои ужасают своими географическими «реалиями». Так вот: для них карты не нужны. Это те мира, где автор, образно говоря, подвешивает в небесах зеленое Солнце (см. Дж.Р.Р. Толкин, «О волшебных сказках»), тем и ограничиваясь, не задаваясь трудом открыть для себя причины и следствия сего явления. Солнце от такого неуважения превращается в лампочку, и читателю хочется нажать кнопку выключателя и выйти из комнаты такого, с позволения сказать, «вторичного мира» на улицу. Напротив, вообразить Среднеземье или Бельерианд без карты, прочитать «Властелин колец» и не поддаться искушению сравнить карты Среднеземья и Европы, по-моему, невозможно. Трудновато читать «Мастера и Маргариту», не располагая картой Москвы 30-х годов. Сложно следить за одиссеями «Улисса» без карты Дубина. Запутливо продвигаться за героями «Чевенгура» – Копенкиным и Двановым – без карты в той части повествования, когда они совершают путешествие по России. К слову, именно эта часть романа Андрея Платонова исторична: бытование в Чевенгуре ближе к аллегории, к притче. Рассказчик «Кельтских сумерек» Йейтс появляется то в том, то в другом уголке Ирландии, и отсмотреть круги его странствий по Зеленому Острову и его легендам весьма небезынтересно. Говардовская Хайбория также плохо ощущаема без карты, и даже такое, казалось бы, небольшое по площади мифопоэтическое пространство, как монастырь в «Имени розы», требует подробного плана, кой Умберто Эко не преминул создать.

Разумеется, нет правил без исключений. Для Макино Габриэля Гарсиа Маркеса и «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери карта не столь уж необходима, но тому существуют серьезные причины. Сто лет одиночества, прожитые Макино и его обитателями, привели к тому, что каждый уголок городка стал знаком и памятен до отвращения. За каждым поворотом бил в лицо жестокий ветер, который и разрушил, в конце концов, городок: ветер «натиснул прошлого, от которого, ... уже нигде не денешься» (У. Эко, «Заметки на полях "Имени розы"»). Даже старая слепая Уреула могла без большого затруднения дойти куда угодно и что угодно отыскать. У читателя исподволь возникает то же ощущение, и чем дальше, тем больше оно усиливается. Карта становится ненужной.

В марсианских хрониках речь идет о Марсе. Истории марсиан и землян пересекаются, сплетаются, наслаиваются одна на другую, проходят одна сквозь другую, перетекают одна в другую. Но Марс, как бы то ни было – новая, незнакомая, чужеродная местность. Книга называется «О Скитаниях вечных и о Земле». Карта Земли, отдельных, близких переселенцам ее местечек – вместе с их историей и мифами – переселяется на поверхность Марса, и эти маленькие мифопоэтические пространства вытесняют пространство марсианской мифопоэтики либо растворяются в нем. Разумеется, со временем единая мифопоэтика Марса и Земли должна неизбежно возникнуть, но в эпоху, описанную Брэдбери, она лишь зарождается. Земляне еще не нашли на Марсе, а марсиане еще не выудили у переселенцев-землян колечка, подобного тому, что соединило «Хоббита» с «Властелином колец». Поэтика покауда витает в воздухе Марса и не вросла в его почву, чтобы создать необходимые карты как кода, связывающего образ и вещественность.

О картах стоит сказать, что не каждое мифопоэтическое произведение, но подавляющее большинство оных нуждаются в карте; в то же время, произведение, лишь претендующие на роль «вторичного творения», вполне обходятся и без карты, хотя зачастую в изобилии оными снабжаются.

Авторское мифопоэтическое пространство. Роль писателя

Переходя от определения мифопоэтического пространства к его происхождению, к рассмотрению его как явления литературы, можно было бы распространить временные границы этого пространства вплоть до «Бесовульфа» и Гомера, включить все наилучшее, созданное за века и тысячелетия развития художественной словесности, в рамки мифопоэтического пространства и творить в своем докладе – благо, материал более чем богатый – все, что душе моей угодно. Но делать этого я не стану. Напротив, душе моей такое вовсе не угодно, ибо сказать мало о многом значит не сказать ничего, поскольку говорить следует о чем-то общем, о том, что можно вынести за скобки. Сказать обо всей магии в целом мы можем только то, что она, безусловно, существует. То, что должно сопутствовать мифопоэтическому пространству, мной уже определено. Осталось показать, как это пространство наличествует в литературе XX века, и найти его границы.

Феномен авторского мифопоэтического пространства принадлежит XX веку, при этом возник он приблизительно в одно и то же время в литературах разных с точки зрения этнологии «Вселенных». Таким образом, мифопоэтическое пространство как явление национально и относится к истории развития литературы, а не к истории народов или производительных сил.

Литература века XIX, равно как и веков, истекших ранее, разумеется, послужила основой и источником для появления на свет нового представления о пространстве в литературном произведении. Эдгар По и Герман Мелвилл, Федор Михайлович Достоевский и Валерий Брюсов, Жюль Верн и Редьярд Киплинг вплотную подошли к началу той тропинки, что ведет в эльфийские холмы. Почти что в мире мифопоэтики живут Исмаил из «Моби Дика», и герой «Белых ночей», и Артур Гордон Пим. Но им всем – а точнее, не им, но авторам – недостает одного, но главнейшего компонента: «вторичной веры». И читатель-то готов поверить в ту «вторую реальность», что сотворил автор, да только сам автор вдруг сворачивает в сторону. Исмаила возвращают в Нантакет, утопив в море весь экипаж и оставив в морских пучинах за галку Белого Кита, молодого человека из Петербурга прячет свой город обратно в табакерку, а По и вовсе обрывает повествование на фигуре, что белее белого. Вероятно, для открытия верной тропки «в холмах зеленой стороны» нужен был человек, сведущий в географии мастерски, то есть профессионально. Сиречь ученый. Человек, который не просто прогуливается по мифопоэтическим тропкам, но знает, куда идти. И такие нашлись. И они были учеными: Джеймс Джойс, Уильям Батлер Йейтс, Джон Роналд Руэл Толкин. И Максимилиан Волошин – в России.

Россия, Англия и Ирландия – три несхожих меж собой мира: российский, западноевропейский и новокельтский (неологизм придуман мною лично, дабы отличать мир «Мабиноггона» от мира «Поминок по Финнегану»). Четыре несхожих жанра: роман-эпос, постмодернизм, циклы фольклорных очерков, стихи. Вероятно, причиной стала потребность в новом осознании предназначения и пути художников слова. Писатель и поэт теперь должен был стать не только очевидцем, рассказчиком, сопереживателем, наблюдателем, анализатором, ценителем, моралистом, воспитателем, толкователем – хотя и должен был оставаться и тем, и другим, и пятым. Но: на первый план выдвинулась роль писателя-структуралиста, умеющего найти цельность и смысл в хаосе разрозненных мыслей, идей, образов, событий, умеющего собрать из осколков чашу, организовать жизнь вокруг себя, первым пройти инициацию и стать проводником для других, дать времени своего героя, в конце концов. Иными словами, пользуясь научными терминами, выявить в окружающей действительности (куда включается и прошлое как источник настоящего) принцип системы; структурировать время для человека, растерявшегося перед натиском интенсивности бытия (по Эриху Берну); добрать до организующих первооснов мышления – архетипов, дабы быть понятым многими; наконец, выстроить из всего открытого и найденного в изначальном хаосе космос, то есть... пространство. Все исходные методики к тому времени уже имелись, или изучены были близки к их обнаружению: математики изобрели системный анализ, психологи открыли архетипы; лингвисты, историки и археологи воссоздали немало из того, что, казалось бы, навсегда исчезло в пасты Хроноса. Количество неизбежно перерастало в качество, и в литературе этот переход также с необходимостью состоялся – где-то раньше, чем в других областях познания, где-то позже.

Мифопоэтическое пространство явилось мощным средством для того, чтобы решить поставленную таким образом задачу. Попытки решить ее иным путем (задача-то, разумеется, не нова) предпринимались, и это дало мировой литературе немало шедевров, но в них решения найдено не было. Решением, как всегда, были прописные истины, но важно то, каким образом об истине сказано. Как писал Толкин в письме Майклу Страйту («The Letters», стр. 233, письмо 181), «волшебная история обладает своим собственным способом отражения «истины», отличной от аллегории, или сатиры (сдержанной), или «реализма», и в чем-то более сильным». Век XX был веком греха, и время нового покаяния наступило, но старые молитвы были уже не годны. Греческое слово «цитаюте», переведенное в тексте Библии как «покаяться», имеет другое значение: «передумать», то есть «пересмыслить». Мифопоэтическое пространство явилось действенным методом пересмысления. Те из авторов, кто понял (пусть подсознательно, ибо мы не можем доподлинно знать, что думал Джойс, пища своего «Улисса», да и говорит писатель всегда больше, чем то, о чем намеревался сказать) это предназначение мифопоэтического пространства, создали вечные книги.

Стоит заметить, что, упоминая о наднациональном общем в мифопоэтическом пространстве, я никоим образом не хочу отрицать своеобразность данного пространства у каждого народа. Отсюда и различие в методах и средствах конструирования «вторых Ветерных». Впрочем, не меньше разнообразия привносит и личность автора. Итак, Толкин, воссоздавая утраченную мифологию Англии, избрал пассажем как метод и, вместе с К.С. Льюисом и иными Инглингами, преуспел, возвратив утраченное мироощущение в неспокойный закат западноевропейского мира, пускай на какое-то ограниченное время. По крайней мере, из всех литературных героев только Гэндальфа, насколько мне ведомо, искренне хотели избрать в президенты США. (Гэндальфа, а не Леонардо ди Каприо, прошу заметить!)

3) Черных нуменорцев. В Умбаре на границе нуменорского (позднее – гондорского) и харадского суперэтнотосов образовали стойкую антисистему, питающуюся энергией за счет разности потенциалов биохимической энергии (пассионарности) двух взаимно некомплементарных суперэтнотосов. Люди, выросшие в зоне такого контакта, не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтнотосов, а вместо присущих тем оригинальных стереотипов поведения и ментальности у них царит калейдоскопический набор несовместимых поведенческих черт и эклектический набор мировоззрений. Объединяет этих людей только негативное мироощущение. Отсутствие этнических традиций приводит к тому, что такая антисистема (химера) не способна существовать за счет кормящего ландшафта, но только разрушает его, а живет грабежом соседей. Такое несимпатичное образование представлял собой Умбар, однако занятие пиратством и иной связано с немалым риском, а потому искусственным путем – привлечением энергичных, но бессовестных и беспринципных негодяев, изгоев в своих родных этносах – население Умбара поддерживало высокий уровень пассионарности. Умбар и занявшие там руководящие позиции Черные нуменорцы чисто формально подчинялись нуменорским королям (иначе бы приняли участие в мятеже Ар-Паразона), ненавидели «верхних» и даже вряд ли признавали претензии Саурона, но для антисистемы неприемлема любая позитивная программа, отсюда и постоянные войны Умбара с Верными нуменорцами и Гондором. Ясно, что такое было на руку только Саурону, как и всякое проявление антисистем (и точно, как только на страницах произведений Толкина возникает государство-антисистема, так выясняется, что за ним стоят Саурон или Моргот). Судьба таких антисистем одна: они погибают. Но погибают либо вместе с этносом, за счет которого паразитировали, либо уничтожаются каким-либо соседним суперэтнотосом, сумевшим пережить болезненный период своего существования. Так произошло и с Умбаром: в 1810 г. ТЭ выходящий из акмагической фазы Гондор полностью ликвидировал Умбар как самостоятельное государство. А поскольку у антисистемы не может быть искренних союзников, никто не пришел Умбару на помощь, даже Харад, тогда имевший достаточно сил для противостояния Гондору.

4) «Колонизаторов». В процессе колонизации Средиземья во Вторую эпоху немало энергичных и талантливых выходцев из Нуменора, лишенных возможности сделать карьеру в метрополии, остались среди покоренных им народов, становясь их вождями и королями. Название «колонизаторы», понятно, весьма условно, поскольку никакого этноса этноса они не образовывали, но, будучи гораздо более сильными и мудрыми, создали «нуменорский мир» по принципу мира эллинистического, когда немногочисленные но тщеславные и образованные эллины и македоняне основали несколько царских династий, живя при этом в окружении моря местных народов. Некоторую целостность этот разношерстный «нуменорский мир» все же представлял, ибо был объединен культурной и административной традициями. Именно эти король-бывшие нуменорцы и стали в середине Второй эпохи назулами. Рах Numenogisa же довольно быстро распался, так как неизвестные нам, но, несомненно, неоднократно имевшие место пассионарные толчки на Востоке Средиземья быстро преобразили весь его облик. Это видно и по фактам появления у границ Гондора в Третью эпоху истерлингов и харадримов – в их поведении не осталось и следа от нуменорских традиций.

короли же занялись придворными интригами. Тем не менее, высокая пассонарность, умно построенное государство, широкие перспективы для колонизации и громадное превосходство в технологии над всеми прочими людскими народами позволили нуменорскому суперэтносу создать «нуменорский мир», добравшись на востоке до моря Рун, а на юге до дальнего Харада (подобно тому, как Александру Македонскому удалось-таки создать – сам он до этого не дожил – мир эллинистический), и прожить весь отпущенный суперэтносу срок, не погибнув даже после низвержения Нуменора.

Но акматическая фаза не прошла бесследно: нуменорские пассонарии либо рассредоточились по просторам материка, либо перебили друг друга в междоусобицах, число их резко уменьшилось, но было достаточно, чтобы организоваться в этносы и субэтносы – т.е. произошел раскол нуменорского суперэтноса, после чего начались гражданские войны, о которых говорится мало, но крови в них было пролито много. Итак, среди нуменорских этносов можно четко выделить:

1) Верных нуменорцев, воскресивших по-своему доминанту Первой эпохи (причем, в отличие от героев «северного», «рагнарековского» типа, – Тьюрина, Туора, Берена – они несли в сердцах надежду, помня о предстоянии Зарендила).

2) Сторонников короля, доведших «нуменорскую национальную идею» до абсурда, решившись покорить еще и Валинор. Никакими героизмом и мужеством, кои узрел в этом выступлении Н.Д. Перумов, здесь и не пахнет, напротив – «мятежниками» стало именно население метрополии, где уже не осталось тех, кто начинал строительство Нуменора в начале эпохи. Пассонарность, как генетический признак, имеет свойство медленно «дрейфовать» к окраинам ареала расселения его носителей, в эпицентре же со временем своих пассонариев почти не остается, а кипение жизни в столицах поддерживается за счет притока населения из провинций, желанного добиться успеха и сделать карьеру. Но еще больше приток субпассонариев, ибо как раз в огромных городах, где легко прожить, не трудясь, и оседает эта накипь, которая, подобно римскому плебсу, становится подлинным правителем на погибель всем, и себе в том числе. «Хлеба и зрелищ!», «День, да мой!» – вот девизы этой толпы. Более идиотское мероприятие, чем обретение бессмертия посредством захватнической войны, придумать трудно, но когда у лидеров главенствует не опыт, но мнение, а доктрина становится не следствием жизни, а причиной, и принимается (с подачи Саурона) жизнеотрицающая программа переустройства мира, где единственно реальной и совершенной признается Пустота («Главный бог тот, кто обитает в пустоте, кто превозмогает в конце и в пустоте создаст бесконечные королевства своим слугам»), а на шит поднимается лозунг «А мы тоже хотим!» (в данном случае – «хочем») стать равными богам, к чему призывает и Великий Орлангур), и совершаются идиотские с точки зрения нормального человека поступки. Собственно, конец Нуменора, а также концы гитлеровской Германии, яковинской диктатуры, большевистского СССР и колониальных империй Великобритании и Франции служат примером того, к чему приводят подобные безумства. Желание мятежников из людей стать чем-то большим, чем люди, «сверхчеловеками» (сравните желание нуменорцев обрести бессмертие и власть над миром, свергнув Валар, то бишь подчинить себе природу, и лозунги недавнего прошлого «Мы не будем ждать милостей от природы...») или «Человек сказал Днепру...») исполнилось: отрицая объективные законы бытия, они от бытия избавились, став «нелюдями», небытием.

Роберт Говард, сам того не ведая, дал Америке героя нашего (американского «нашего») времени, знаясь тем, что Толкин называл эскейпизмом (escapism) в хорошем смысле слова. Конан-варвар стал вечным героем отнюдь не по причине невежества и безвкусицы читающей публики (расползаясь всеми, казалось бы, атрибутами киммерийца, Джеймс Бонд все же не герой, а сыщик). Варварство Конана надо понимать как отказ от пошлости и шинзима, которые цивилизация накапывает точно так же, как и духовные и культурные ценности, как отказ от преклонения перед мощью метафизического зла, неведомого «варварам». Правда, и метафизическая благодать при этом тоже теряется, но примет душевных ценностей, негласно предлагаемый Говардом, выглядит совсем неплохо по сравнению с идеями фашизма (то бишь «вечного фашизма» по У. Эко), релятивизма и прочими прелестями, кои предлагает нам цивилизация.

Джеймс Джойс предвосхитил – а писатель-конструктор должен уметь предвосхитить – изыскания Инстигута головного мозга им. Бехтерева о том, что по сложности человеческой мозг равен Вселенной. Выражаясь лаконично, не вдаваясь в подробности теории математического моделирования и идентификации объектов, подобное познается с помощью подобного. Один день двух дублинцев, данный нам в их мыслях, открыл то самое Приключение (или инициацию, или самоидентификацию – как прикажете), которое многие ищут, да никак не могут обрести. А стояло внимательно прислушаться к себе, к тому самому пресловутому внутреннему миру, чтобы найти там то, ради чего стоит жить. Это «кто» – благословенная Итака, родина в широчайшем смысле.

Другим стал Уильям Батлер Йейтс. Он, как и Джойс, как и Толкин, обратился за ответом к прошлому, но по-иному. Если Джойс познавал человека, сколько мыслью по дереву мысли же, представляющей собой, по сути, отсылки к прошлому и отсылкам к текстуам к прошлому, и еще более многоуровневые отсылки, а Толкин шел к Началу, экстраполируя древние языки и тексты в сторону еще большей древности, то Йейтс попытался его, прошлое, взятое в виде традиции, дешифровать. Странствуя «Кельтскими сумерками», собирая в полусветах угасающего костра древнего кельтского мира бусинки преданий и традиций, он соткал узор, и получилась роза о многих лепестках-sceal'x. И пусть каждый путь-лепесток не приводил нигде, но вместе они выявили центр. Если все сущее и осквернено черной ржой порока и греха, то там, в центре, куда не добрался никто, в пустоте, не опороченной никем, и обитает Бог. Но пустота эта сияет, и нет в ней никаких львов.

Тем же путем, в принципе, гораздо позже прошел Умберто Эко, только составными узора у него были не предания, а имена: имена книг в лабиринте, имена целых комнат и галерей с книгами, имена вещей и понятий, имена имен – знаки. И снова узор явил розу, имя которой сокрыто в центре, в пределе Африки, и гласит оно... Что оно гласит, не назовет никто, ибо до центра не добираются. Известно одно: львов там нет. А имя – оно не только в центре розы; оно есть сам пройденный автором, а вслед за ним и читателем, лабиринт и узор розы, равной самой себе. Зане имя есть информация, в узком смысле знак, скрывающий эту информацию, а полная информация о предмете равна самому предмету. В данном случае более универсального знака не найти, ибо роза является мифопоэтическим пространством. Универсумом. Универсум же, как с ним ни оперируй, есть такое множество, которое замкнется на себя: оно самодостаточно. Посему весьма глупо выглядит восставший народ, ворвавшийся на территорию монастыря в голливудской экранизации. Не только потому, что в те времена постановления инквизиции были неоспоримы, но и потому, что замыкание универсума монастыря ведет к обесмысливанию произведения.

Возвращаясь к Соединенным Штатам Америки, нельзя не возразить тем невеждам, кто упрекает эту страну в отсутствии духовности. Разумеется, весьма грустно, когда американец, если судить по известной миниатюре Михаила Жванецкого, вместо ответа на вопрос о том, Тихий перед нами океан или Атлантический, отсылает вас к географу. Полагаю, впрочем, что девять десятых случайно выбранных из людского потока на Невском граждан (на главной улице «культурной столицы России», прошу заметить) вряд ли примомнят хотя бы строчку из, скажем, Александра Блока. Зато курс доллара доложит любой ветеран Куликовской битвы. Америка – великая страна, и литература Америки – великая литература. Мифопоэтическое пространство, рожденное в Америке 40–60-х годов, уникально тем, что находится оно не в прошлом или настоящем, но в будущем. «Золотой век» американской научной фантастики дал миру имена Роя Брэдбери, Клиффорда Саймака, Айзека Азимова. Подобно тому, как Толкин воссоздал утраченную Вселенную английского легендарного мира, эти американские фантасты построили не существовавшую никогда мифологию США, ибо мифология североамериканских индейцев – это мифология индейцев, сиречь совершенно иного, уничтоженного мира. Создание мифологии Америки начал все тот же Роберт Говард, но, помимо героя-«варвара», научная фантастика дала Америке еще трех героев. Ошибка думать, что у времени есть один-единственный герой: обычно их несколько, а культура США достаточно нетривиальна и многообразна,

чтобы время этой страны имело нескольких героев. Так вот, у Говарда эти новые персонажи-герои появились просто не могли, зане писатель ушел из жизни слишком рано. Эти персонажи – Ученый, Марсианин (в смысле инопланетянин вообще, но слово «марсианин», по-моему, здесь подойдет больше) и Робот. Иногда один книжный персонаж совмещает в себе какие-либо две из трех указанных ролей: не редкость, например, робот-ученый, или робот-марсианин, или марсианин-ученый. Только варвар не может совместить себя с кем-то иным – больше уж цельная натура, challenger, одним словом. «Марсианские хроники» Брэдлиера, «Кольцо вокруг Солнца» Саймака и великая космическая сага Азимова – вот контуры американского мифа, которому, как это теперь видно, и не могло найтись иной временной ниши, кроме как в будущем. Поэзия многопланового пространства-Космоса как единого разумного организма, разум которого не заключен в кашеобразное пространство, а заложен в природе самого этого пространства, поэзия странствий по этому Космосу-разуму является поэзией этого фантастического мифопоэтического пространства. Название одного из романов Клиффорда Саймака – «Все живое – трава» – это главная идея его. Всем живым являются и люди, и тобилены, и роботы, и марсиане, и звери, и трава, и камни, но при одном условии: признании за всеми остальными их гражданского права в этом едином доме-Космосе, признании прав и законов самого Космоса как телесного организма. Кстати, этика «варварства» Говарда подразумевает то же самое. Этот новый стоицизм, повитый идеями христианской любви, и вправду вряд ли мог быть донесен до сознания читателя иным способом, кроме как через мифопоэтическое пространство. В заключение сего длинного пассажа хочу заметить, что другие выдающиеся фантасты – ни Роберт Хайнлайн, ни Гарри Гаррисон, ни Роберт Шекли, ни Станислав Лем, ни Иван Ефремов – мифопоэтического пространства не создали, несмотря на идеи Великого кольца, Соляриса и «Дороги доблести» у Хайнлайна. Дело в том, что все эти идеи использовались не как собственно идеи, но как литературные приемы, как подпорки, как леммы для доказательства каких-то более глобальных теорем, а истории и теорема – вещи все же разные. Мифопоэтическое пространство не доказывает ничего. Оно – пространство Истории и историй – само является полем (не в математическом, упаси боже, смысле слова) для построения любых теорем.

Коктебель и Париж Волошина, его венки сонетов «Сотона Astralis» и «Lunaria» и, конечно же, – как итог – поэма «Путями Канаа» (пусть и была она написана еще в 1915 году) составили первое в русской литературе пространство мифопоэтики. Поэзия Максимилиана Александровича Волошина, что называется, «программная». Каркас той структуры пространства-времени, которую создает поэт, виден в его стихах. От физического материала – камня, металла и стекла, при этом обязательно цветного выпражного (по образцованию Волошин – юрист, по профессии – инженер-путеец) – до этники, до мифа, при этом с непосредственной отсылкой к этому самому мифу, поэт тщательно выписывает картину-карту своего космоса (и не только в стихах, но и в живописи). Самым показательным примером в этом смысле является глава «Левифаан» из «Путей Канаа». Также, что называется, обнажение приема следует из единственной проповедуемой Волошиным морали: говорить правду прежде всего самому себе. Истоки этой правды лежат в бытии прошлого и настоящего, и правда эта сложна и трудноопознжима, как левифаан.

Другой пример построения мифопоэтического пространства в русской словесности – роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Ведущий мотив Вселенной романа – мотив города. Город, как выясняется, живет даже не двойной, а тройной и еще более многоплановой и многослойной жизнью. Двойная жизнь у всех на виду: днем – парад на Красной площади, трудовые будни и ВДНХ; ночью – черный «воронка». Однако, как опять же выясняется, есть подопудная реальность, которая посильнее реальности черного «воронка». Эта реальность – реальность мифа, реальность подсознания. Изгнанный из дневной и ночной жизни, миф не исчезает, но активно сопротивляется, как любой живой организм. И порождает столь странные фигуры, как Воланд, Коровьев, Азазелло и Бегемот. Все они, вроде бы, бесы. Но совсем иные бесы, нежели бесы Достоевского или Умберто Эко («Малтинг Фуко»). Бесы Достоевского сидят в Кремле, а бесы Эко – в Рейстаге. И занимается тем, что кроет Историю под свой бесовский План, изыскивая в ней Заговор. Кто ищет, тот всегда найдет. Даже черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Уж кто-то, а это мы умеем! И заговоры находят во множестве. И падят печи Бухенвальда, и идут бесконечной чередой «последние вагоны на север». Разумеется, верховным бесам, да и мелким тоже, не по нраву тот, кто просто рассказывает истории, то есть Мастер. Он ведь нарушает план! «Третий Рим» стремится распылять Рассказчика так же, как Рим распылял Иешуа. Но любые бесы бессильны перед Историей. В образе Воланда и свиты являются в первопрестольную не Сатана со товарищи, – товарищи все в Кремле – а те хранители Истории, которые помнят еще времена Понтия Пилата, и еще более древние времена. Пусть они носят имена бесов и надевают шуготовые личины, пусть устраивают дурацкий бал-карнавал – это та ирония, без которой нельзя понять красоты Истории. Без иронии История покажется дурной цепью

отпущенный «простым смертным». Исходя из этого, длительность фаз этногенеза тоже следует увеличить вчетверо, т.е. фаза подъема будет длиться не 300 лет, а 1200 и т.д.

Итак, объявление началом Второй эпохи переселения Адамов в Нуменор вовсе не случайно, ибо это был пусковой момент нового, нуменорского этногенеза, поскольку если бы продолжался процесс, начавшийся в Первую эпоху, то в начале существования Нуменорского королевства мы имели бы дело с фазой надлома (этногенез может оборваться, но «проскочить» фазу не может) и сопутствующими ей гражданскими войнами, нестабильностью, явным отставанием социальных преобразований от быстромениющихся стереотипов поведения, борьбой мироощущений и завершающим расколом суперэтноса.

Ничего подобного первый этап жизни Звездного королевства собой не представляет. Напротив, развитые и расселенные Морготом народы Адамов будто бы восстали из пепла и обрели былую силу и гордость: осваивается огромный остров, возводятся грандиозные сооружения, строится новое государство, притом на совершенно иных принципах, нежели союзы людей Первой эпохи и при иной доминанте. Если в Первую эпоху стремлением было обрести истину и защитить ее (и, оправдав таким образом свое существование, защититься самим от внемирного зла), поддерживая зльфов и разделив их судьбу, то у нуменорцев появляется «собственная гордость» – при всем любви к зльвам и ненависти к темным силам, прежде всего для них была идея Нуменора – величайшего из королевств, воплощения самой авторитетной и истинной власти. То есть, если за Эру Единым признавалась власть на небесах, а за Манвэ – в Валиноре, то «князьями мира сего» были Короли Нуменора, а нуменорцы – избранным, самым высоким народом, призванным возглавить все прочие племена. И это типичная доминанта фазы подъема: в самом деле, нет ничего плохого, если народ хочет видеть свою державу великой и процветающей, оказывающей посильную и неунизительную помощь соседям. При этом императив «Будь тем, кем ты должен быть!» господствует. Спустя 600 лет ($600 = 150 \times 4$ – закончилась скрытая часть фазы подъема) корабли нуменорцев появились у берегов Средиземья: только при достаточно высоком уровне пассионарного напряжения возможно изменение стереотипов поведения, в данном случае по отношению к морю, ведь Адамы Первой эпохи не были морским народом, а герои вроде Туора и Эрендила являлись большим исключением. Растущая же пассионарность нуменорцев находила выход в многочисленных дальних морских экспедициях.

Но все хорошее, увы, кончается. Интересно, что сам Толкин в письмах отмечает три этапа духовной жизни Нуменора: первый – принятие Запрета Валар и духовный рост; второй – осознание своего величия и все более растущее недовольство Запретом; третий – открытый бунт, достижение наивысшей мощи и стремительное падение.

Эти три этапа отвечают трем фазам этногенеза, которые Нуменор прошел от воздвижения до низвержения, точно отмечая поведенческие императивы и краткие характеристики исторические события, приущие подтверждает гипотезу. К 1200 году Второй эпохи ($1200 = 300 \times 4$ – конец фазы подъема и переход к акматической) путешествия в Средиземье сменяются

колонизацией, т.е. нуменорцы стремятся уже не познать, путешествовать или торговать, а властвовать и покорять. Среди же самих нуменорцев начинаются и все более увеличиваются раздоры, вылившись после окончательного утверждения нуменорцев в Эриадоре – победы над Сауроном, и, тем самым, ликвидации даже самой отдаленной внешней угрозы – в междоусобицу,

героизм? Не проще ли было бы создать единое могучее королевство, организовать регулярную армию, укрепить границу на севере и жить спокойно? И что толкнуло Берена на бесполозный – а во многом и гибельный своими последствиями – поход за Сильмариллом? «Конечно, любовь к Лутхиэн», – будет ответ, но всякий ли способен на такие подвиги ради любви? И как объяснить поведение Тьюрина? Только ли скверный характер всему виной? Нет, конечно. Все это – яркие проявления акматической фазы, когда каждый десятый знает, как нужно жить и куда идти, и не хочет признавать правоты за другими ему подобными. Мало того, он доказывает свою правоту делом – отсюда многочисленные войны, труднообъяснимые с обывательской точки зрения поступки, резкое чередование блестящих побед и ужасных поражений. «Квэнта Сильмариллион» говорит нам о деяниях героических, но сколько было вражды между Аданами, сколько анти-героев, не менее деятельных, но принявших сторону Моргота? О плохом эпосы, как правило, умалчивают («плохом» в смысле проявлений негативного мироощущения героев, а не оценки их поведения с точки зрения современности – главные персонажи скандинавского, германского, кельтского, карело-финского, романского эпосов далеко не всегда нам симпатичны, но никогда они не служат силам зла), но если у эльфов бытовали вражда и предательство, то у людей, как это ни печально, и подавно. Не просто так ведь свершилась миссия Эарендила – предостояние перед Высшими силами за народы Средиземья; те, за кого он предстал, были виновны в том же, в чем и грешники из псалма 106, 10–14: «Не покорялись словам Божиим, и небрегли о воле Всевышнего».

В битвах с Морготом и стычках между собой пассивнарии Аданов погибли или истребили друг друга настолько, что осталось их так мало, и так плохо пришлось обывателям, что девизом последних стал: «Мы устали от великих!». Раньше других это произошло с племенем Халадинов, которые всегда были многочисленны, их пассивнарии погибли быстрее, что и проявилось в отношении к деятельности Тьюрина – его просто не поняли, хотя и боялись.

Тем самым совершился переход к следующей фазе – фазе надлома, но она не наступила. Этнос в момент перехода от фазы к фазе наиболее уязвим для внешних ударов, особенно опасны начало и конец фазы надлома, ибо идейный разброд, резкое падение пассивнарного напряжения системы и усиление, таким образом, эгоистичных и неспособных на какие-либо осмысленные действия субпассивнариев вкупе с сопутствующим надлomu негативным мироощущением у значительной доли пассивнариев приводит к незащищенности этноса. Последний натиск Моргота, вторжение людей с Востока – совершенно чуждого Аданам суперэтнуса и страшная Война Гнева – все это привело к уничтожению Аданов как активного суперэтнуса, и только переселение в Нуменор помогло оставшимся выжить. Выжить и возродиться, но уже как новый суперэтнос – нуменорцы.

Вторая эпоха

Сведений по истории Нуменора имеется немного, но их достаточно, чтобы выяснить, проявляются здесь закономерности этногенеза или же нет. При этом интересно, что в силу недоступности Нуменора все закономерности этногенеза, если таковые имеются, будут прослежены в «чистом виде», без смещений извне.

Но, прежде всего, позволю себе сделать допущение: нуменорцам по воле Валар был дан срок жизни примерно вчетверо (если судить по хроникам королей) превышающий срок,

грехов, а от такого понимания и проистекает подлинное бесовство. В унынии – грех, потому и Иерусалим ощущает вместе с Римом в казни Иешуа. Без иронии, часто выраженной в форме карнавала, не обходится пожалуй, ни одно произведение мифопоэтики. Кот Бегемот и Фагот – не бесы Пренесподней, но и не ангелы божьи. Михаил Булгаков, волюно или исподволь, избегает «слишком громкого хлопаян английских крыльцев», о коем, как о недопустимом дурновкунии в пределах мифопоэтического пространства, писал в эссе «О волшебных сказках» Толкин (примерно в те же годы, когда создавался роман Булгакова). Они не ангелы, а потому не могут даровать Спасения, не могут (да и не вправе), несмотря на всю колдовскую мощь свою, выпрыгнуть из Москвы черную нечисть. Но даровать Покой они в силах. И даруют – и Мастеру, и Понтию Пилату – просто за то, что тот не был зол к Иешуа и выслушал его. И передат выслушанное потомкам. От кого, как не от Пилата (в интерпретации Булгакова), узнали мы о том, что произошло в его дворце? Не от Марка Крысобоя же? К слову, и в Валноре герои Толкина обретают отнюдь не Спасение, но Покой. И так, кто же такие Воланд и Ко? Они пришли из мифа, «вторичной реальности», потому и не ангелы. Но и не бесы, как уже говорилось, несмотря на прекрасный и грозный финал, где звучит стук копыт коней вездников Апокалипсиса. И даже не бесенята. Они с той самой тропы, что «в холмах зеленой стороны» – коя свидетельствует о наличии мифопоэтического пространства. Они, конечно, не толкиновские эльфы – завялять такое было бы смешно, однако вспомните, что говорил Толкин об эльфийском театре в том же эссе, и сравните это с представлением в цирке, данным Воландом. Через мифопоэтическое пространство Михаил Афанасьевич Булгаков ищет выход в годину бесовства, ищет способ говорить правду, ищет силу, способную противостоять бесам, ищет, наконец, свою Итаку – то есть Покой. И находит. А про Апокалипсис напомним неспешно, и в мифопоэтическом пространстве о нем помнят. Кетати, похоже мы находим у Рэя Брэдлиера. В «451° по Фаренгейту» американский фантаст моделирует рождение новой мифологии, – из литературы – да и поступая Апокалипсиса звучит там не тише, чем в «Мастере и Маргарите».

Последний из писателей, чье творчество я рассматриваю в этом ряду, кой ряд мог быть гораздо длиннее, это Габриэль Гарсиа Маркес, как представитель литературного мира Латинской Америки, куда, как утверждают, потихоньку переместился центр мировой литературы. Вопрос о центре весьма спорный. Бессспорно творчество Маркеса. Огромная статья «Литература и миф» в «Мифологической энциклопедии» фольклора, что Маркес исполнял в своем романе «Сто лет одиночества» мотивы латиноамериканского фольклора. Что ж, это несомненно, но мотивы латиноамериканского фольклора использовал и Умберто Эко в «Маятнике Фуко», и еще много кто и где использовал. Однако почему-то именно Маркес и именно «Сто лет одиночества» стали своего рода «знаком качества» латиноамериканской литературы. Вроде бы ничего особенно фантастичного в романе нет, кроме последней сцены с ветром. Захолустная деревенька в джунглях разрастается до небольшого городка, а потом угасает и гибнет. Жители строят, ломают, любят, ненавидят, воюют, делают революцию и вообще борются за существование. Словом, все как всегда. «Обычные дела животных, не бог весть что...» Мало того, роман является во многих отношениях антиутопией – вот уж, казалось бы, антимир по отношению к мифопоэтическому пространству. Тем не менее, антиутопия Хаксли и антиутопия Маркеса, опять-таки, две большие разницы. Секрет, на мой взгляд, в том, что в большинстве антиутопий (включая антиутопии Струцких) действуют люди-схемы (при всем художественном мастерстве авторов), люди-анекдоты, люди-характеры, люди-аллегории, одним словом. У Маркеса ни один персонаж не является персонажем-идеей, даже полковник Аурелиано Буэндиа или Ремедиос Прекрасная. Хотя, как и у Воллошина, как и у Джойса, как у Толкина отсылки к первоисточникам у Маркеса достаточно прозрачны, роман не является пересказом ни одного из них. Макондо гибнет, гибнут все главные герои, смерть витает над каждой страницей книги, но роман притягателен, и притягателен вовсе не притяжением Бездны. Слово «очарование» может относиться, словами Толкина, «и к сказанной истории, и к власти над людьми».

В данном случае это притяжение пространства, созданного Маркесом; Макондо в нем лишь один из множества населенных пунктов, которые остались за рамкой картины (вспомним рассуждения Профессора о картине и рамке в его эссе). На примере Макондо колумбийский писатель, в отличие от Толкина, Джойса или Йейтса, указавших, где следует искать Итаку, предупреждает о том, где ее искать отнюдь не следует. В мифопоэтическом пространстве есть тропы, по которым ходить не надо. В таком случае без морального вывода не обойтись, и Маркес приводит его в самом последнем пассаже романа. И еще в названии, где мораль выражается в форме крылатого слова, как в «Демьяновой ухе». Вспомним, что с тех пор, как Хосе Аркадио Буэндиа прошел в сердце сельвы от моря, больше никто из жителей Макондо, кто остался в городке, не смог дойти обратно, даже полковник Аурелиано. Море – общепринятый символ забвения, в котором тонут призраки памяти. Забвение нужно, иначе эти призраки переобладают в будущем. Макондо подобен библиотеке монастыря, превращенной Хорхе в безмерное хранилище памяти. И в

библиотеке бродят призраки и превращаются в чудовищ. Под собственной тяжестью память поколений обрушивается и погрывает под собой своих накопителей. Храмина старает (и там не обходится без сильного ветра), а Макоццо разрушает ураган. Забвение времени от времени необходимо, ибо дает место для творчества, кое спасательно, ибо является признаком свободы воли. Сплошная память без забвения гибельна, ибо давит своей предопределенностью, сиречь обреченностью, и приводит к одиночеству как для личности, так и для сообщества. Память-догма страшится общения, замыкается в себе, поскольку всякое общение рождает критику, привносит Иное, отличное от догмы, а догма этому противится. В конце обреченности лежит апокалипсис: не апокалипсис-эвкатастрофа, но апокалипсис-гибель. «Каждый умрет той смертью, которую выберет сам», и гибель наступит Макоццо. Город рухнет не просто ураганом, а ураганом-смерчем, гигантской воронкой, уходящей в Бездну. Но вывод Маркеса оптимистический, сколь бы странным ни показалось такое заявление. «Тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды». Маркес, во всяком случае, против такого повторения, и те герои романа, кто сумел преодолеть это затягивающее в воронку призрачной памяти течение, сумел переосмыслить реальность, покинуть город, как Альваро, Альфонсо, Герман и Габриэль. Но мифы, рожденные на благодатной некогда – сто лет назад – земле Макоццо, остались с нами. С Гибелью Макоццо – Фаэтона Вселенной Маркеса – сама Вселенная не кончилась. Выходит, что Маркес опять-таки не сказал ничего нового. Но сказал (а, точнее, рассказал) он о старых истинах языком мифопоэтического пространства, а потому был понят.

Язык мифопоэтического пространства исключительно читабелен, несмотря на высокую, порой, сложность (у Джойса). Он вкусен, но не пресыщает, а напротив, разжигает аппетит. Он ускользает, как запах свежеспеченного хлеба, но успевает рассказать о многом, ибо слова его – архетипы. Возможно, со временем, и этот язык уйдет, дав место какому-то другому, как ушел язык Пушкина, а за ним язык «Серебряного века». Но на сегодняшний день именно этот язык созвучен времени. Произведения, о которых шла речь, а также многие ныне, явились причинами, повлекшими за собою, как и следовало из их структуры, целую историю, которая получила свои направления развития.

Пути развития мифопоэтического пространства

На первый взгляд, мифопоэтическое пространство – мир довольно консервативный: еще бы, ведь трудно представить что-нибудь более массивное и неповоротливое, чем миф. Разумеется, каждый рассказчик привнесит нечто свое, по-своему пересказывая миф, но суть от этого не меняется. Мифопоэтическое пространство обращено прежде всего к тем самым ценностям, кои непреходящи. Все верно, за одним исключением: текст подразумевает четыре способа толкования: моральное, аллегорическое, аналогическое и, наконец, прямое, о котором стали как-то забывать. Мифопоэтическое пространство – именно в силу своей консервативности – возвращает прямое толкование на прежнее его законное место – первое. Первое не в смысле важности, а в смысле первого, что приходит на ум. Как бы ни был настроен читатель видеть в произведении допреж всего мораль, аллегорию или некие высшие, символические значения, ему необходимо прочесть это произведение, хотя бы просмотреть его, а это влечет за собой более или менее линейное продвижение по тексту, а значит и восприятие его прямого смысла. Разумеется, искушенный читатель, изучив 50, 40 или даже 5 процентов текста, иной раз может весьма точно определить, каков его моральный, аллегорический или символический смысл. Но с тем же успехом (а скорее, неуспехом) такой читатель пропустит нечто в ходе повествования, кое «ничто» может иметь совсем иной смысл или оттенки смысла, даже может поставить все вверх тормашками. Я уж не говорю о том, что наслаждение, удовольствие от самого текста (от самого толкиновского *epicure*) будет далеко не полным. Правда, текст бывает таков, что никакого удовольствия от его прочтения и прямой трактовки не возникает. Что ж, такой текст, по-моему, и во всех иных трактовках вряд ли обнаружит что-либо занимательное и содержательное.

Но вернемся к пространству мифопоэтики. Коль скоро выявлено, что прямое понимание текста, рассказ сам по себе, есть главное волшебное средство (очарование от слова «чары») такого пространства, то и развитие его должно идти в направлении совершенствования и усложнения структуры рассказа. Читабельность отнюдь не синоним тупости текста, а «простой» для чтения текст создать куда сложнее, чем корявый. Если же текст кажется читателю нудным и неинтересным по причине того, что он не понимает сказанного по той причине, что видит много непонятных слов и отсылки, то здесь проявляется скорее недостаток читателя, нежели текста.

К слову, именно в сторону усложнения отсылки, аллюзий, в сторону включения в текст различных схолий и глосс, списков и документов развивается текст произведений, использующих мифопоэтическое

человека, дают основание судить об эльфийской истории с позиций закономерности развития человеческой культуры, кои носят не колебательный, а циклический характер. Временные рамки, соответственно, не будут слишком узки, ибо история Средиземья с момента появления людей и до самого конца Третьей эпохи описана подробно и датирована весьма четко. Что касается территориального охвата, то здесь придется ограничиться единственным подробно описанным этноландшафтным регионом – Северо-Западом Средиземья (включая Белерианд в Первую эпоху и Нуменор во Вторую). О процессе этногенеза у народов Востока и Юга можно судить лишь косвенно, по их взаимодействию с народами Северо-Запада.

Первая эпоха

Итак, где-то далеко на Востоке, в Хилдориэне, вместе с восходом Солнца пробудились первые люди. Можно ли считать это событие пусковым моментом первого этногенеза? Можно, поскольку уже в 305 году племена Аданов появились на крайнем Западе материка – в Белерианде, причем появились не просто в результате случайных скитаний, но после Великого похода, т.е. у них была четкая этническая доминанта, выраженная в словах Беора, обращенных к Финроду Фелагунду: «Тыма лежит за нами, мы же обратились к ней спиной и не желаем возвращаться туда даже в мыслях. Сердца наши обращены к Западу, и мы верим, что найдем Свет». Такая доминанта вполне соответствует императиву поведения фазы этнического подъема – «Этот мир надо исправить, ибо он плох!» Перед нами явно жизнеутверждающая программа, явившаяся плодом положительного мироощущения, а фазе подъема всегда соответствует положительная доминанта. Почему эту программу я считаю положительной? Да потому, что в основе ее лежит ощущение благодати мира и любви к нему, а не стремление к разрушению и господству. Этим и определяются в дальнейшем в докладе (согласно теории Л.Н. Гумилева) понятия «положительного» и «отрицательного» мироощущения, и возвращаться к этому более нет нужды. Мало того, срок, – 300 лет – за который Аданы преодолели просторы Средиземья – соответствует сроку, «отпущенному» теорией этногенеза фазе подъема.

Эта первая фаза закончилась с расселением по Белерианду племен Аданов, в соответствии с принципом комплементарности принимавших сторону того или иного эльфийского королевства. Тем временем фаза этногенеза менялась, и главенствующим стал императив «Мы хотим быть великими!», на деле выразившийся в том, что, не утратив любви к эльфам, люди не ограничились ролью их вассалов, но сами стали активной силой, влияющей на положение вещей в Белерианде. Переход от фазы подъема к акматической (от греч. акмэ – расцвет, наивысшая стадия) произошел быстро, и императив «Будь самим собой!» стал негласным лозунгом, т.е. будь не просто вождем, но Хадором или Хальдиром, не просто воином, но Береном или Тьюрином. Пассионарность Аданов была в те годы огромной, ибо только высокопассионарные люди могут жертвовать собой ради некоей, возможно иллюзорной, цели, как это сделали Хуор в Нирнаэт Арноэдиад, Битве Бессчетных Слез, и Хадор в Дагор Браголлах, Битве Внезапного Пламени, или в одиночку выйти на бой с драконом, как Тьюрин Турамбар, или совершить великие деяния для своего народа, как Халет или Туор. Но акматическая фаза этногенеза вместе с тем и страшна, ибо высокая пассионарность ищет себе выход – и находит его – как волне, так и внутри сулперэтнуса (этнуса), и гасится этот невидимый пожар только кровью. Пассионарность Аданов, к их чести, в основном тратилась в их бесконечных войнах с Морготом. Но был ли оправдан столь жертвенный

Теория Л.Н.Гумилева применительно к истории Средиземья (доклад на 2-м Большом Толкиновском семинаре)

Оправдание темы доклада

Делая этот доклад, я не претендую на какое-либо обобщение, вскрывающее механизмы хода истории толкиновского Средиземья. Почему история эта получилась именно такой, известно разве что самому Профессору Толкину, но фраза из его письма: «Я мыслю исторически» (а не аллегорически) («Письма Дж.Р.Р. Толкина», стр. 239) – позволяет рассмотреть историю Средиземья в свете последних достижений исторической науки, а теория этногенеза и пассонарности Л.Н.Гумилева как раз и является в настоящее время единственным непротиворечивым объяснением истории народов.

Для должного понимания сего доклада требуется знание основных положений теории Л.Н.Гумилева и применяемой им специальной терминологии. Излагать здесь (даже кратко) теорию этногенеза я не считаю нужным, поскольку ныне книги Льва Николаевича легкодоступны, читаются они легко, и любой заинтересованный читатель сможет открыть их для себя, получив немало удовольствия. Для первого знакомства следует прочесть основополагающий труд – «Этногенез и биосфера Земли» (Гидрометеоиздат, 1990), а для четкого уяснения значения используемых терминов рекомендую обратиться к другой книге – «Этносфера. История людей и история природы» (издательская группа «Прогресс», фирма «Пангея», «Экопрос», 1993), где в конце помещен подробный «Словарь понятий и терминов».

Некоторые ограничения

Рассматривая историю Средиземья, необходимо ограничиться некоторыми территориальными и временными рамками, а также сделать следующее заявление: теория этногенеза и пассонарности изучает закономерности жизни этносов, т.е. коллективов ЛЮДЕЙ, поэтому материалом настоящего докладу послужит история именно людских племен Средиземья, а также хоббитов, ибо притчей во языцех стала ныне цитата из Пролога к «Властелину колец»: «Хотя в наши дни хоббиты и сторонятся нас с вами, следует признать, что они – наши ближайшие родственники, причем куда более близкие, нежели эльфы или, скажем, гномы». Возможно, что закономерности этногенеза и справедливо для эльфийских народов, гномов или орков, но вспомним, что появление пассонарности как генетического признака является результатом некоторых мутаций, вызванных, предположительно, космическими излучениями. Как действуют (и действуют ли) эти излучения на природу иных, не человеческих, организмов, сказать трудно, а то и невозможно за недостатком достоверной информации (как то отсутствие сведений по физиологии орков или же об истории и образе жизни гномов). Несомненно, что наличие брачных союзов между людьми и эльфами, принесших многочисленное потомство во многих поколениях, говорит за принадлежность их к одному виду с точки зрения современной биологии; однако сведения о духовной природе эльфов и неоднократно встречающиеся в письмах Дж.Р.Р. Толкина утверждения, что эльфами в аллегорическом смысле предстает творческая часть натуры

пространство. Даже текст, где вроде бы нет ни примечаний, ни комментариев («Сто лет одиночества», например), или самый читабельный текст (Толкин или Брэбери) является целым большим глоссарием. (А первый шаг на этом пути, предвосхищая век XX, сделал Герман Мелвилл, привдя подробноишие и весьма объемные сведения о книгах и китобойном промысле: тогда это показало всем ужасно страннам.) Нечего и говорить о Волошине, Джейсе или Эко, которые и не стесняются открывать читательскому взору такие особенности своих текстов. Происходит превращение текста романа в своего рода сложную разветвленную базу данных, или гипертекст. В одной из «книг о книгах» 60-х годов издания я обнаружил примечательную таблицу, где сравнивались шаги прогресса в области развития транспортных средств и в области книгоиздания в широком смысле. Последний шаг в сфере транспорта был ознаменован межпланетной ракетой. Книгоиздание остановилось тогда на офсете и литофии, отставая от транспорта на два шага. Прошло всего лишь 20-30 лет, и уже можно сказать, что прогресс книгоиздания опередил прогресс транспортных средств. Вслед за литоипом и офсетом пришли, последовательно, компьютерная верстка, затем базы данных и, наконец, глобальные компьютерные сети с использованием распределенных баз данных. К тому же можно прибавить колоссальный прогресс мультимедиа.

Но, строго говоря, компьютер уже вроде бы не является книгой. Не следует ли тогда из всего вышесказанного, что книга перестает быть книгой и стремится вскочить на подножку уходящего состава, уподобляясь компьютерной Вселенной?

Тот же вопрос был поставлен Умберто Эко на его лекции в Санкт-Петербурге во время визита писателя в Россию в мае 1998 года. Краткая магнитофонная запись этой лекции прозвучала по петербургскому радио. Эко, во-первых, не усматривает в массовой компьютеризации никакой опасности для образования. Напротив, для пользования компьютером в целях утилитарных или в целях познания надо, по меньшей мере, уметь читать инструкции, писать (набирать тексты) и вообще мыслить логически. Таким образом, компьютер возвращает нас к линейному чтению, знаку, а, следовательно, и книге. И это неплохо, поскольку дурной (в определенном смысле) альтернативной книге является не компьютер, но телевидение, то есть передача и подача сознанию готовых образов, не требующих ни работы мысли, ни тренировок памяти. (Именно телевидение, а не ЭВМ, было главной опасностью, по мнению Рэя Брэбери.)

Во-вторых, говорит Эко, гипертекст (то есть моментальное соединение заметки с любой иной заметкой с использованием дополнительного мощи мультимедиа) лишь ставит проблему, но решить ее не способен. Первый аргумент писателя – о том, что книга – это наименее энергоемкий и наиболее стойкий и транспортабельный носитель информации (в отличие от гипертекста, требующего наличия компьютера, источника питания к нему и т.п. аксессуаров ЭВМ) – представляется мне верным лишь на сегодня. Не исключено, что завтра миру будут явлены сверхлегкие и сверхмощные батареи, сверхнадежные и сверхточные ячейки памяти и беспроводные глобальные сети, и надобность в книге как в переплетенной стопке бумажных листов отпадет.

Но все дело в другом. Гипертекст является лишь средством, но не целью. И вправду, гипертекст позволяет создать множество книг и миров и варьировать любой текст как угодно, путешествуя по деревьям и лабиринтам ссылок и пользуясь в этом смысле неограниченной свободой. Однако все эти бесконечные переходы и блуждания не дают ответов, до которых все охочи и ради которых, собственно, и читаются тексты. Книга в понимании ее как текста тем и отличается от прочих разновидностей текстов, что являет собой не просто ссылку или справку, но единый законченный и ограниченный мир, сиречь упомянутый уже Уинверсум со своими законами необходимости, присушими и «первичному» миру с его уроками жизни и смерти. Чем богаче содержательно будет этот космос книги, тем более ответов он даст, отсюда и тенденция к сближению текста и гипертекста.

В то же время задача, поставленная перед книгой-Уинверсумом, сама идея такой книги, требует придания этому содержанию некой привлекательной формы, способной, как некий каркас, поддержать в равновесии и гармонии всю массу информации, содержащейся в Уинверсуме. Эта форма подобна кристаллической решетке, которая не наблюдается приборами непосредственно, но которая существует, тем не менее, ибо видна в своих проявлениях. Наиболее удачной формой для отображения пространства-времени явилось опять же пространство, но уже мифологическое, о свойствах коего уже говорилось. Что до уроков жизни и смерти, то именно о них, по словам самого Толкина, и был написан «Властелин колец».

Ныне остается только отметить, что развитие текста-мифопоэтического пространства в сторону гипертекста будет продолжаться (в том числе и с использованием мультимедиа), что приведет к совершенствованию «вторичного творения», а значит и к усилению «вторичной веры». Вряд ли это приведет к массовой эмиграции в «виртуальную реальность», ибо книга – прежде всего источник информации, а уж

потом средство для бегства от действительности. Кроме того, текст, связанный законами необходимости, вряд ли сам по себе может научить отречению, уходу от реальности, пускай в нем использован иной язык, нежели язык обывателя (в дурном смысле слова). Я полагаю, что такая тенденция расширяет круг читателей, способных лучше отыскивать и обрабатывать информацию, то есть самим строить «вторичное творение», поскольку ни один читатель не может думать совершенно одинаково с автором и с другим читателем и идти теми же путями. Таким образом, дело может дойти до некой гипер-Вселенной, гипер-мифопоэтического пространства как некой общности людей и формы общения между людьми. Но речь об этом чуть впереди.

Путь в мифопоэтическом пространстве: лабиринт

Возникает вопрос: что же является путем, с помощью которого пространство осваивается, и с помощью которого же путешественник – герой произведет или автор – проведет свою инициацию? Этот путь – лабиринт. С одной стороны, пространство является материалом для пути, местом, куда этот путь можно длить, с другой стороны, путь собирает и организует пространство. Путь – это инициация, постижение неких тайн бытия и сознания, то есть изменение себя, получение знаний о себе самом, преодоление неизвестности и страха неизвестности. В сознании древнем этот путь представлял собой выполнение некоего ритуала, мистерии, посвящения. Человек моделировал путь бога или героя, а зачастую всего мироздания. В XX веке, когда ритуальность исчезла из мышления как организующая его модель, путь инициации, то есть поиска себя в мире и примирения с миром, стал путем догадок, сиречь рассуждений и сравнений. Для человека древности его душа была порождением мира внешнего и жила там, поэтому познание себя отождествлялось с познанием мира, и примирение с миром достигалось тождеством мир – человек.

С внедрением в человеческое сознание представления об абсолютном пути мистерии перестал удовлетворять требованиям самопознания, поскольку замысел абсолюта неисповедим и людям раскрыт неполо. Кроме того, этот замысел может меняться по воле абсолюта. Вследствие этого последние и определяющим тождеством самопознания должно было бы стать тождество человек – Бог. Однако о замыслах Бога можно только догадываться. Стало быть, путем инициации стала догадка, абстрактной моделью которой и является все тот же лабиринт.

Но лабиринт XX века уже не является копией лабиринта в Кносском дворце. Если лабиринт из мифа о Тезее сам по себе был сакральным сооружением и сакрализовал человека, его преодолевшего, то в XX веке лабиринт перенесся вовнутрь человека и уже потому сакральным не является. Эта несакральность и позволила человеку ничтоже сумяшеся приступить к исследованию этого лабиринта, его классифицированию и конструированию. Душа внутри человека – отражение в нем абсолюта. Так и сяк вставая перед этим зеркалом, человек видит многообразие своих отражений, и, соответственно, то та, то иная модель лабиринта представляется ему верной. Таким образом, модель лабиринта-себя претерпела в XX веке некоторую эволюцию структуры с течением времени.

Умберто Эко в «Заметках на полях "Имени розы"», определяет три типа лабиринтов: линейный лабиринт с сюрпризом-Минотавром, лабиринт-дерево и лабиринт-сеть. Являясь ученым-семиотиком и писателем, Эко представляет догадку как дешифровку некоего закодированного текста, в число коих текстов входят и тексты художественной литературы. Определение схемы лабиринта, заключенного в тексте – один из методов его дешифровки.

Линейный лабиринт с Минотавром где-то внутри предполагает, согласно мифу, поиск Минотавра и победу над ним, то есть победу над собственным страхом, и выход из лабиринта по нити Ариадны. «Входишь, добираться до середины и из середины иди к выходу. Потому-то в середине и сидит Минотавр. Иначе пропал бы весь смак мероприятия. Это была бы обычная прогулка. Ужас берется (если берется) из неизвестности: неизвестно, куда ты угодишь и что выкинет Минотавр. Но на пороге классического лабиринта в твою ладонь сразу ложится нить Ариадны. Собственно, лабиринт – это и есть нить Ариадны». Самое главное – не отклоняться от этой нити.

Таким образом, путь по линейному лабиринту, если развешивать этот лабиринт в пространстве души, спроецированной на географическую карту – это следующая стратегия выбора пути, а именно стратегия выбора этнического. Топографический выбор равен выбору этническому. Это путь Фродо Бэггинса и вообще девяти Хранителей во «Властелине колец». Выбор пути ставится перед героями постоянно, и каждый раз он делается после поверки с той системой ценностей, что исповедуют герои, хотя на страницах

В пыли навеки брошенных путей
Вдруг вырастают камни с письменами
Тех, кто ушел в глухую даль степей,
Оставив след, не оцененный нами.

Когда тебя разбудит утром грусть,
И ты поймешь сырую шерсть тумана –
Знай, это осень наполняет грудь,
То белый вздох, пришедший с Океана.

Пройди по жухлой стынущей траве,
Твой шаг – как жизнь – не будет слишком длинным,
Пусть стай птиц укажут путь тебе,
В небесной степи разлетаясь клином.

Ты не заметишь, как холодный день
Угрюмой влагой потечет на плечи,
Как невидимкой он уходит в тень,
Как шелестят его тугие плети.

Ты растворишься в ясности снегов,
Когда утихнут первые метели,
Но степь запомнит звук твоих шагов
Как помнит всех, что жили, шли и пели.

Снег времени заносит все следы –
Сам не заметишь, как прошел тропой,
Но по весне появятся цветы
От звезд добра, оставленных тобою.

И силуэты спящих лошадей,
И в диких гривах вечный ветер странствий
Уносит в полночь паутинки дней ...

Степь. Ночь.

(из цикла «Обращение к себе»)

Оставь туман закатного окна –
 Один лишь дождь пустой и постоянный
 За ним течет и падает, до дна
 Пронзая душу разочарованьем.

Сквозь злую ночь в далекие края
 Уходит меж холмов тысячелетий
 Тот древний путь, что приведет тебя
 К корням времян, в ночное сердце степи.

Среди развалин мертвых городов,
 Вдыхая свет от звездных рек лавины,
 Ты видишь след шальных степных ветров,
 Забытых строк находишь половины.

По морю тьмы, трав диких и цветов,
 Издалека, за много дней похода
 Тебя догонит лет успешных зов,
 Найдет язык исчезающих народов.

Степь спит спокойно, словно древний зверь,
 Раскинув в ночь огромные пространства,
 И ты пройдешь сквозь тысячи потерь,
 Но не найдешь такого постоянства.

Тревожной цепью на гребнях холмов
 Тысячелетий, времени, тумана
 Пробив завесу, тысячи костров
 Прочертят вновь путь полчищ Тамерлана.

Хрустальной высью в небе октября
 В холодных струях волопадов млечных
 Уходит в дальних стен монастыря
 Звон колокольный в эхо, тьму и вечность.

Ты станешь гибким стеблем тростника,
 В пыль обратятся города и боги,
 Размоет дождь железные века –
 Бессмертны лишь травинки вдоль дороги.

Поток воды сменяется песком,
 Исчезнут прочь империи и страны,
 Но степь не дрогнет даже лепестком,
 Пока молчат и думают курганы.

романа присутствуют вполне приземленные рассуждения о расстояниях, рельефе местности, транспортных средствах, погодных условиях и прочих технико-тактических характеристиках географической среды, а также моральные оценки (долг перед спутниками, хотя бы) того или иного выбора.

У Толкина этот выбор определяет именно традиция, при этом традиция как в понимании языческом, так и в христианском. Впрочем, линия преемственности, наследования Завета, в мире Толкина никогда не прерывалась, равно как не прерывалась и кровная нить родства людей и богов (у Толкина – майар). Отступать от традиции нельзя никому: ни сильному, ни слабому.

Фродо и его слугинки отправляются в путь. Фродо несет кольцо. Символика кольца многозначна, но первая ассоциация – вина. Притом вина чужая. Кольцо было выковано за тысячи лет до рождения Фродо, при этом не хоббитом и даже не человеком, а эльфом. Если же следовать далее вглубь веков, то вина эта восходит к самому первому трехопаленно толкиновского мира – падению Мелькора. Гэндальф, беседа с Фродо (глава «Тень прошлого»), именно в этой беседе и выплывает, по сути, свою роль эмиссара (букавальный перевод английского слова, использованного Толкином в письмах), а Фродо именно в этой беседе и проходит весь свой путь, проходит инициацию – первую инициацию, инициацию Словом. Гэндальф переселяет в него всю историю Среднеземья от создания кольца до современности, а заодно и все огромное пространство мира, в котором живет хоббит. А вместе с этой историей и этим пространством Фродо примет и живущую в этой истории и пространстве вину. И принимает решение – о жертвоприношении. Христианский миф перелетает с языческим именно здесь – в жертвоприношении. Но если в языке это жертвоприношение обязательно и, в общем, довольно безболезненно, так как в итоге душа все равно соединится с богами, то в христианстве то, что будет после смерти, людям знать не дано (у Толкина – не дано знать, что лежит за Крутами Мира). Поэтому главная ценность и труднейшая жертва христианства – выбор. Фродо его делает самостоятельно.

Дальнейший путь Фродо – инициация делом. Верный данному слову, Фродо несколько раз совершает выбор пути в соответствии с той этической системой, верности которой он присягнул. Во-первых, это решение идти северным путем, через дом Элронда, а не южным и более безопасным – вдоль побережий и через Гондор. На этом пути делается еще несколько выборов: решение отправиться именно осенью (как Бильбо Бэггинс – традиция!), выбор спутников-хоббитов (и их собственный выбор: идти), путь через Старый Лес, где Фродо получает от Бомбадила знание о предыстории.

Путь Фродо – путь героя потому, что избирается всегда путь более трудный, но эти трудности на поверку оказываются не столько внешними, сколько внутренними. Фродо одерживает победу допреж всего над чудовищами, находящимися в нем самом. В отличие от героя англочности, у которого не возникает сомнений в своем предназначении, Фродо всегда стоит перед выбором. Как и герой англочности, преодолевая призраков в себе очередной участок пути, Фродо делает пройденную часть пространства включенной в Ойкумену. Рассеченное, разрозненное, покрытое тьмой страшное Среднеземье становится своим. В этом смысле путь Фродо – путь от центра к периферии, чужой и страшной, мешающей соединению с сакральным центром.

Во-вторых, решение Фродо о походе в дом Элронда, Ривенделл – это своего рода паломничество. Герои древности обращались к прорицателям, спускались в царство мертвых. Фродо дважды – в беседе с Гэндальфом и в Ривенделле – прибегает к совету с прошлым, а до этого Бильбо спускается в пещеры, где встречается с Голлумом – своей тенью. Если встреча Бильбо и Голлума – восстановление единства себя (Бильбо не убивает Голлума, хотя может это сделать, то есть не боится своего подсознательного и не отрекнется от вины, лежащей на хоббитах, ибо Голлум – хоббит), то беседа Фродо и Гэндальфа – своего рода встреча с прорицателем (Гэндальф – эмиссар валар). Путь в Ривенделл – уже именно паломничество. У Толкина тоже есть мотив зависти богов: судьба Турина Турамбара, к примеру. Главная причина этой зависти – несмирение. Фродо приходит в Ривенделл с открытым сердцем и получает благословение. Там он получает освобождение от главного соблазна владельца кольца: оставить его у себя, стать властелином мира. За это боги карают – неважно, языческие ли или в религиях монотеистических. К слову, то же освобождение получают и Бильбо и Сэмвайз Гемги – они тоже побывали в Ривенделле.

Выбор происходит еще неоднократно. Гэндальф выбирает путь через пещеры Мории, хотя на верняка предвидит свою встречу с балрогом (еще один линейный лабиринт с Минотавром!). Гимли решается вступить в Лоризн (а эльфы – впустить его). Фродо поворачивает к болотам Дагорлада – и так далее.

Самый последний выбор – главный Минотавр лабиринта, пройденного Фродо – ждет его над жерлом Ородруина. Этот Минотавр находится внутри Фродо. Это – он сам. И никогда бы не одолеть Фродо это чудовище, когда бы не двойное предыдущее примирение с самим собой: Бильбо и Голлума и Фродо и

Голума. Пускай Голлум и пытается отобрать кольцо в свою пользу, но перекресток судьбы уже далеко позади: все предрешено, и, несмотря на личные планы Голума и Фродо, кольцо падает в Ородруин. Миссено выполняет единое существо-хоббит. Хаос, заключенный в рамку космоса, поглощает самое страшное создание космоса – инертный расчленения всей целостности и связности мира до небытия – и мир пересоздается.

Тем не менее, богами (или богом) значится все. Чувство вины за последнее искушение, кое Фродо не смог преодолеть, тяготеет над ним. Поэтому в конце ему дается не вознесение, а успокоение. В этом, с одной стороны, отражение взглядов самого Толкина: ни до, ни после Христа повторить его путь невозможно. С другой стороны, здесь недостаточность лабиринта с Минотавром как способа самопознания: неуклонное следование нити Ариадны и даже победа над Минотавром – это все же потеря части самого себя. Фродо пришлось – пусть не по собственному почину – лишиться своей тени, того древнего подсознательного, что было в нем. Фродо (человек) получил просветление – но не самоцельность. Отсюда его последующая тоска, болезнь.

Во всем отряде Фродо совершил главный подвиг – подвиг духа, подвиг принятия мира. За это ему дано было узреть мир превозданный – Валинор. Это вторая ипостась пути Фродо: путь от периферии к центру. Ось мира проходит через Ойолосез – главный храм, вершину Манвэ, которую Фродо будет дано увидеть. Ради этого стоило принести себя в жертву.

Однако ответа на вопрос о том, какво место человека в мире, роман не дает: Минотавра надо либо убить, либо быть поглощенным им. И в том, и в другом случае душа остается неполной. Путь по нити Ариадны – сиречь путь веры в веке XX – путь самоотречения. Он истинный своей абсурдностью, не завершен. Он оправдывает существование Космоса и себя в Космосе, но не себя в самом себе.

Минотавр – это на самом деле лишь выход из лабиринта с Минотавром. И вот почему: встреча с Минотавром – это подлинный конец пути по такому лабиринту. Далее следует лишь возвращение (если следовать). Именно здесь, в конце, мифопоэтическая реальность и реальность первичная соприкасаются неизбежно. Есть и другие врата и лазейки, но уж такое место (и время) этот Конеч, что его не избегнуть: «... это рискованное предприятие. Феерия – страна, полная опасностей. Неосторожных ждут здесь западни...», – предупреждает Толкин. Предупреждает, к слову, в самых первых строках своего эссе «О волшебных сказках»: конца не надо ждать, но помнить о нем не вредно. В конце всегда происходит подведение итогов, которые связаны неизбежно со смертью и с выбором. На сей раз не с выбором пути, – это надо было делать раньше – а с высшим выбором – судом. Но не стоит ожидать там, на ветреном перекрестке миров, встречи с дюжиной присяжных и благообразным судьей в парике. И бесполезно звать адвоката. На этом перекрестке нас ожидает чудилище (Минотавр).

Именно чудилище, а не чудовище. Значения этих слов трактуются словарем одинаково, за одним большим исключением: у слова «чудовище» есть третий смысл – человек-изувер. У слова «чудилище» одного нет. Для настоящего доклада как раз это и важно. Чудилище – это порождение не Бога и не дьявола, это порождение того самого стыка миров. В чудилище есть частички от всех миров: от стихий (слово «хтонический» я не люблю) – как у дракона; от Творца – как у волошинского Левифана; от дьявола, как у того же дракона или Воланда; от неких сил-архонтов – как у марковского ветра; и от человека, конечно – как у Хорхе Буртосекого; и от Космоса, и от Хаоса. Но есть что-то иное, чего нет ни у какого из всех этих миров. Это и делает чудилище чудилищем, сиречь чем-то абсолютно полярным человеку и Богу, который – иной раз и темом, но обязательно душой – антропоморфен. Чудилище непонятно, не-человечно. Оно и доброе (в смысле, благое, как весь тварный мир) и злое, и не-доброе и не-злое тут же. Именно с противником такого порядка и должно встретиться тому, кто прошел по мифопоэтическому пространству путем инициации.

Новых тем в литературе нет. И последняя встреча с чудилищем – повторение вечной и единственной темы о величии и малости человека, в данном случае человека-героя произведения. «Он человек, и это достоящая трагедия для него и для многих других», – пишет Толкин в своей статье «Чудилища и критика» (J.R.R. Tolkien, "The Monsters & the Critics and Other Essays", изд. HarperCollins Publishers, стр. 18). И эта мысль («смертоносна и неотвратима») (там же, стр. 19). Как бы ни был велик человек, сколь бы ни дарила его судьба, но его смертный час неотвратим. Но противник его в этот час должен быть достойным той жизни, что человек прожил. Эта встреча не всегда означает физическую гибель (хотя частенько бывает и так). Скорее это Смерть как черта на границе с инобытием. Чудилище – это еще и страж на сей границе, своего рода Цербер. Борьба с чудилищем безнадежна, но свет, отблеск надежды впереди виден всегда, ибо он последует, хотя сейчас последний суд отложен. «Здесь мельком видится космическое и приводит к мысли о роке всех людских жизней и усний; это среди, но и выше мелких войн королей и превосходит даты и границы исторических эпох...» (там же, стр. 33). Встреча с чудилищем является своего рода чистилищем, где перед героем ставится

Когда нет радости надесть
На палец ей кольцо, —
Придя в холмы, ты, может быть,
Узришь мое лицо.

Я старше кланов, и мечей,
И босях знамен,
Я старше слов, хотя теперь
Моих не счесть имен,
Моим годам неведом счет,
И все ж я краше тех,

Кому лета и красота
Беспечный дарят смех,
И я светлей любви твоей,
Хотя и свет она,
И, как ни бело пологно,
Я чище полотна.
Меня увидев только раз,
Ты снова станешь петь,
Любить и жить, чтоб этим дом
И сердце отогреть.

Но каждый год, едва взойдет
Охотничья луна,
Ты вновь придешь бродить в холмах
Без отдыха и сна.

Искать того, о чем один
Мечтал в ночи весной —
Тот самый холм, тот самый лог
Где встретился со мной.

И, может быть, в конце концов
В бессонном этом сне,
Раскрыв все хитрости холмов,
Ты путь найдешь ко мне.
Кто знает, вдруг среди всех, кому
Нельзя меня забыть,
Ты обретишь меня навек.

Кто знает? Может быть...

Королева сидов

Лишь минет летняя жара,
Я встану ото сна.
Лишь серебром зальет холмы
Охотничья луна,
Лишь только ветер унесет
На юг последний лист,
Пока не слышен за окном
Злой зимней бури свист,
Покуда зелена трава,
Хоть иней по утрам,
И ночь приходит на ночлег
К пастушеским кострам,
И шерсть овечья на плечах
Не заменяет плед, —
Кто понял нечто о холмах,
Отыщет здесь мой след.

На белый известняк камней
Коль сможешь ты взглянуть
Так, чтобы вспомнить в небесах
Молочный звездный путь,
Напомнит вдруг привет,
Которым красит горизонт
Закраинный рассвет,
Коль трещин прихотливых вязь
На каменных столбах
Навевет памяти слова
О давних временах,
И не страшит тебя ничуть
Тоскливый волчий вой, —
В холмах услышишь иногда
Далекий голос мой.

Когда не выплхнет твой клинок,
Услышав слово «враг»,
Когда не сможет отогреть
И дать покой очаг,
Когда журчанье ручья
И дикий мох камней,
Узорный папоротника лист
Окажутся милей,
Чем песня девичья, и смех,
И пряжа тонких рук,
Дыханья легкого тепло,
Шагов летящих звук,

последний вопрос. Если герой тверд и искренен в своем решении, то ему открываются некие новые горизонты, дается прозрение. Но в этом прозрении много печали, ибо истин Эклезиаста еще никто не отменил. Рассмотрим примеры. Фродо проходил чистилище не однажды, но последний чудидцем на его пути стал Ородруин – жерло меж Космосом и Хаосом, как отмечалось в начале статьи. Кольцо нашло свой конец, а для Фродо открылся Валинор с его эльфийскими печальями. Мастеру, Маргарите, Понтию Пилату были даны покой и отдохновение, но вряд ли счастье. Они воочию узрели крошку грядущего Апокалипсиса и всадников его, и сельская печать легла на их души. Вильгельм Баскервильский теряет книгу, библиотека горит, но именно в последнем поединке с Хорхе он формулирует и восстанавливает содержание второй части «Поэтики». Но это не дает ему счастья: лишь успокоение, ибо загадка решена. Песня-река несет Иейтса в последнем рассказе «Кельтских сумерек» – «У обочины дороги» – куда-то к корням Дерев Познания и Жизни, но лишь вдоле орады Рая. Даже в оптимистических, в общем, финалах произведений Клиффорда Саймака всегда есть грусть-расставания. Особенно пронзительно она звучит в окончании «Заповедника голбинов»: улетающий дракон (опять дракон!) и уходящая вместе с ним Прошлая Веселенная и Хрустальная планета. Единственный, о чьей судьбе мы толком ничего не знаем, это Конан-варвар. Что ж, весьма вероятно, что киммерийец в конце пути вышел на чудище, сравнимое в древности, мощи, архаичности и мудрости с драконом «Беовульф». Весьма вероятно также, что Конан выдержал бой не хуже легендарного героя англосаксонской поэмы. И все же самым впечатляющим чудидцем, несмотря на то, что в произведении не создано мифопоэтическое пространство, является Белый Кит Германа Мелвилла (а вспомним еще о кракене, которого видит Исмаил в морских пучинах!). Белый Кит, видимо, так и останется самым идеальным чудидцем мировой литературы, и вряд ли кто сумеев его изловить. Ни один критик даже близко не подошел к загадке Моби Дика, но стоит ли отгадывать эту загадку? Чудидце столь же универсально, как и Универсум, оно всегда артефактно. В том его своеобразное очарование и значение.

«Существует еще лабиринт маньеристический. В плане это что-то вроде дерева – корни, крона. Разветвленные коридоры со множеством тупиков. Выход один. Но как его найти? Ариаднина нить нужна и тут. Такой лабиринт – модель trial-and-erroг process».

Пример такого пути в чистом виде дает прежде всего Джейме Джойс. Конечно, его роман – роман-странствие, путешествие сознания, но, в отличие от одиссея Гомера, этот путь не есть путь по воле богов. В отличие от пути Хранителей, это и не путь по нити Ариадны, хотя бы потому, что цель пути неясна. Это свободное плавание. И сам процесс принятия решений – это именно путь погружения в себя, поиска решений внутри, а не вне. Путь в лабиринте не по «правилу левой руки», а по некому внутреннему компасу, который следует поверять с какой-то внутренней картой. В романе японского писателя Кобо Абэ «Сожженная карта» герой пыгается эту карту уничтожить, жить с чистого листа. Джойс, напротив, старательно перелистывает свой атлас, стремясь не к выходу из лабиринта, а, скорее, к входу в него. Происходит поиск человека изначального, а для этого данные одних карт сопоставляются с другими, более древними. Прослеживая, таким образом, сразу и пространство и время (хронотоп), автор и герои пытаются достичь самой первой карты, изначальности.

Самой древней картой, имевшейся в распоряжении Джойса и его героев, оказалась карта путешествия Одиссея. Поэтому, сколько мыслью по дереву мысли же, представляющей собой, по сути, отсылки к прошлому и отсылки к отсылкам к прошлому, и еще более многоуровневые отсылки, Стивен и Блум в конце концов доберутся до гомеровских временных глубин и возвращаются назад, в Дублин. Жизнь Дублина словно бы просеивается через сито сознания героев, а затем склеивается заново, так же, как герои Милорада Павича – Кирилл и Мефодий – создают славянскую письменность: разбивают горшок, стоящий за решеткой, сквозь решетку вынимают черепки, а затем склеивают их в новый горшок, стоящий своим. Путь странствия героев Джойса – освоение пространства жизни, примирение его с тем, что есть в них самих – и неважно, откуда это пришло.

Странствие Одиссея – самый древний подробный рассказ о путешествии, бытующий в сознании Стивена и Блума, потому неизбежны попытки отождествления своих странствий – душевных – с примерами из «Одиссея» и путь проб и ошибок – объяснения этих соответствий. Этот путь – и есть поверка компаса, исчисление погрешностей. Задача – найти свой берег, Итаку. То есть, свое место и себя самого – через опыт странствия. Естественно, что древность никогда не становится тождественна современности. Мало того, эпизоды романа Джойса скорее напоминают средневековые ирландские имрам – повести о морских странствиях с посещением множества разнообразных островов и возвращением домой, нежели путь царя Итаки (да и никакой Трой Блум не брал!). Тем не менее, важно не внешнее сходство, а то, что все решения на пути предпринимаются путем, во-первых, логических рассуждений (не случайно в конце главы «Итака»

Джойс ставит символ – «что и требовалось доказать»), во-вторых, с привлечением для доказательства различных аксов и лемм из мифов – греческих и кельтских. И христианских, разумеется. Именно христианских мифов, а не Библии, поскольку Стивен из церкви ушел, а Блум – и вовсе еврей.

Роман «Улисс» – еще и роман-толкование. Толкование своей жизни как доказательства какой-то теоремы о сущности человека. Вот два примера удачного и не слишком использования гомеровских аллюзий для обоснования постулатов героев.

Третий эпизод, названный Джойсом «Протей», 11 часов утра. Стивен, вернувшись из Дублина в Дублин, проводит на берегу моря время до назначенной в 12.30 встречи с Маллиганом. На встречу он, в конце концов не пойдет; у него крепнет сознание разрыва с Маллиганом и конца жизни в башне.

Эпизод сопоставляется песнь IV, 384–570, встреча Телемака с Протеем, мифическим существом, способным бесконечно менять свой облик. Верней всего, Протей – это собственный разум Стивена, человеческий интеллект, изощренный и многообразный, виртуально бесконечный. Джойс также указывает, что прообраз Квина Игена – Менелай. В реальности же прообразом Квина является Джозеф Кейтс – фенил и парижский эмигрант. Визит Стивена к Игену удаляется – и весьма успешно – визиту Телемака к Менелая. И Менелай, и Иген повествуют своим собеседникам о судьбах своих соратников-воинов: Менелай – об ахейских царях, Иген – о фениях. Другое дело, что Стивен-то относится к речам Игена в большей степени с иронией, особенно по прошествии времени, а Протей-разум Стивена неуловим – для Маллигана. Гомеров план эпизода десятого – «блуждающие скалы» – и вовсе не является гомеровым, настолько он хрупок. Цирцея лишь рассказывает Одиссею о Симплегадах (XII, 59–73), а выбирает он дорогу через Сциллу и Харибду. Симплегады уползают Джойсом группы дублинцев – но их не две, а девятнадцать, и в их движении нет угрозы. Джойс видел в их движении скорее мотив лабиринта (!), вовсе не похожий на мотив схлестывающихся клещей или колодца и маятника. Схема лабиринта здесь вполне оправдана: выбор вновь осуществляется разумом, а не верой.

Заключительный эпизод – «Итака» – можно сопоставить как с Одиссеей (Блум уничтожает женихов – свои сомнения в возвращении) и скеле о плавании Майльдунна. Тот, отправившись в плавание за нарушение тейса, возвращается, находит убитой своего отца – но прощает им. Прощает и ему. Здесь мотивы смирения и возвращения совпадают у Джойса, Гомера и в кельтском имрам. Но куда возвращаетесь Блум? – К самому изначальному, что только можно представить, к женскому началу – к Молли, к потоку сознания, к водам струящимся, к Океану. То есть к хаосу, не имеющему ни истории, ни структуры, который не персонафицируется. К подсознанию, к состоянию во чреве, познать кое сознанием не представляется возможным.

Таким образом, путь по лабиринту пробы и ошибок – даже самый изощренный, джойсовский, не дает ответа на вопрос, что есть человек и каково его место, а только набор многочисленных соответствий. Единственный ответ на вопрос почему я есть я и здесь – это Молли. Для каждого, как известно, своя. А то и не одна.

Надо заметить, что роман «Имя розы» представляет собой сочетание двух лабиринтов: пробы и ошибок и линейного, с Минотавром. Минотавр – это поэтика Аристотеля, ее вторая часть, и тот, кто охраняет ее – Хорхе Буртосский. Неизвестно, что содержит книга, где она, какое отношение она имеет к серии убийств в монастыре, кто ее прячет и зачем. Путем умозаключений и ассоциаций Вильгельм прочитывает, дешифрует события, но уже в соответствии не с правилами, а с символами Нового Завета. И объект путешествия Вильгельма вроде соответствует поставленной задаче: библиотечка. Путешествие по символам человеческих мыслей, инициация знанием сознания, постижения, казальсь бы, вовсе непостижимого – истоков смеха, того, что во многом делает человека человеком. Но что обнаруживает Вильгельм, выйдя из лабиринта? – Новый лабиринт: есть. Тайна человека остается запретной. За все теми же семью печатями.

«И, наконец, существует сетка – то, что... называется «ризома». Ризома так устроена, что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична. Пространство догадки – это пространство ризомы. Мир, в котором Вильгельм (как он обнаруживает) обитает, – этот мир выстроен уже как ризома. Вернее, по идее выстроен как ризома. Хотя на самом деле не достроен до конца».

Одну сетевую задачу Вильгельм все же решает: разгадывает кроссворд, который представляет собой план библиотеки, вписывая в клетку-комнаты первые буквы цитат из Апокалипсиса. С кроссвордом еще предстоит встретиться, а первым автором сетевой лабиринта-самопознания оказался все же Уильям Батлер Йейтс с циклами рассказов «Кельтские сумерки» и «Сокровенная роза».

Указания на связи сюжетов рассказов с мифами и легендами древней Ирландии или со Святым

Итак, синкретизмом начав характеристики фашизма, синкретизмом мы и заканчиваем. Змеей свернувшись в кольцо, схватив себя за хвост. В мифопоэтическом пространстве идея Заговора обречена, поскольку пространство это, с одной стороны, преемственно от начала времен до конца, с другой стороны – дискретно: в нем нет монополии на истину даже при Едином-Создателе. Позитивных мироощущений и мировоззрений всегда много и все они различны; негативные же все едны. Что до башен, то здесь нелишне вспомнить известную притчу Толкина о башне, с которой было видно море (статья «Чудлища и критики»). Сколько бы башен ни раскатили по камешку дотошные аналитики, мифопоэтика возведет новые, невиданные доселе сооружения, древние и могучие, с вершин которых можно будет увидеть не только море, но – иногда – и Тол Эоресса, а может и Валлинор.

Мифопоэтическое пространство активно противоборствует ур-фашизму в сфере сознания, а теперь и в сфере действия. Ранее оно было уделом одиночек-интеллектуалов, их домом-крепостью для внутреннего, пассивного сопротивления; ныне же, используя возможности гипертекста и условно-объективной реальности, которая куда привлекательнее ограниченных миров новоявленных фюреров, мифопоэтика, можно сказать, переходит в наступление. Что ж, это, пожалуй, самая бархатная из всех «бархатных» революций.

О мифопоэтическом пространстве можно говорить бесконечно. В частности, за неизменем места и времени я оставил в стороне такие темы, как соотношение духовных и душевных ценностей в литературе мифопоэтического пространства, а также прочтение жизни как текста. Но пора делать выводы, что является занятием желанным и неблагодарным, ибо, кроме прописных истин, придумать что-либо попросту невозможно. Думаю, что как общий вывод здесь следовало бы привести целиком «Мифопоэзию» Толкина, но, за неизменем, опять-таки, места, времени и авторских прав на публикацию поэмы и перевода Сергея Анастольевича Степанова, я ограничусь отрывком:

Я к миру не имею пиетета,
где то всегда есть «то», а это – «это»,
где догма от начала до конца
и места нет для Малого творца.
И пред Железною Короной зла
я золотого не сложу жезла!

Литература

1. Волошин М.А. Избранные стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1988
2. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем. – СПб.: Азбука, Амфора, 1998
3. Павич М. Ящик для письменных принадлежностей: – СПб.: Азбука, 2000
4. Павич М. Хазарский словарь: – СПб.: Азбука, Амфора, 1998
5. Йейтс Уильям Батлер. Кельтские сумерки / Вступл. статья В. Михайлина. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998
6. Эко У. Имя розы. Заметки на полях «Имени розы». – СПб.: «Симпозиум», 1997
7. Эко У. Пять эссе на тему этики. – СПб.: «Симпозиум», 1997
8. Гарена Маркес Г. Сто лет одиночества. – М.: ТОО Баян, 1992
9. Толкин Дж.Р. Властелин колец. / Перевод, коммент. М. Каменкович, В. Каррика, С. Степанова, – СПб.: Терра-Азбука, 1994
10. Приключения Тома Бомбадила и другие истории: Сборник. – СПб.: Академический проект, 1994
11. Tolkien J.R.R. The Monsters and The Critics and Other Essays – Harper Collins Publishers, 1997
12. Tolkien J.R.R. The Letters of J.R.R. Tolkien, HarperCollins Publishers, 1995
13. Гомер. Илиада. Одиссея. – СПб.: Кристалл, Респекс, 1998
14. Джойс Д. Улисс /Комментарии С. Хоружего, – М.: Республика, 1993
15. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т./Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992
16. Исландские саги. Ирландский эпос. – БВЛ, т. 8.

мифопоэтическое пространство не имеет пересечений – только пограничные конфликты. Фашизм, а вовсе не первичная реальность, как ошибочно думают многие, и есть подлинно противоположная мифопоэтическому пространству антивселенная. Извечное противоборство Вечного Фашизма и мифопоэтики – тема для огромного исследования. Здесь нет ни места, ни времени рассматривать все аспекты этого великого противостояния (рассмотрением которого, тем не менее, весь настоящий доклад, в общем-то, и является). Я перечислю лишь основные из четырнадцати характеристик ур-фашизма, приведенных Умберто Эко, и в противовес им поставлю тут же некоторые принципы существования мифопоэтического пространства, о которых в данном докладе уже велась речь.

Итак, синкретизму, культуре традиции, пренебрежению к противоречиям, из чего вытекает отсутствие развития знания и почти абсолютная энтропия (то есть принцип «валить в кучу Августина и Стуунхендж») при железном Ordnung'e, противопоставлены структура мифопоэтического пространства, описанная в начале доклада, замкнутый гипертекст и Quest-пересмысление традиции, путешествия тела и сознания.

Непринятию модернизма, ведущему к иррационализму, противопоставляет Фантазия, на которой основаны все способы создания «вторичной реальности», сиречь вид рациональной деятельности сознания.

Действию ради действия,действию вне и без рефлексии противопоставит сама идея «вторичной реальности», как способа эксперимента по изменению мира без насилия и принуждения.

Лозунгу «несогласие есть предательство», нетерпимости к любой критике возражает начало «Путей Каина»: «В начале был мятеж. Мятеж был против Бога и Бог был мятежом. И все, что есть, началось через мятеж». Различие, несогласие, ведущее к бесконечному разнообразию – способ построения мифопоэтического пространства: нигде более нет такого богатства форм и сущностей.

Ур-фашизм опирается на фрустрированные (от frustration – расстройство (планов), крушение (надежды), разочарование) средние классы, пострадавшие от очередного политико-экономического кризиса и опасющиеся угрозы (часто мифической, в плохом смысле слова) со стороны раздраженных низов. Мифопоэтическое пространство живо Мужеством и Надеждой. «Северным» мужеством (по Толкину), когда впереди лишь неизбежность Ратгарёка, а вокруг пустоты ётунов, но человек остается Человеком, и надеждой на экзистенциальную победу при полном осознании неизбежности (даже необходимости) страданий и смерти. Мифопоэтическое пространство призвано не сокрушать надежды и разочаровывать, но напротив, давать удовлетворение древним желаниям (воображаемое, а часто и действительное): общаться с подобными себе и Иными, летать, как птица, жить по-иному, владеть даром бессмертия или волшебства. И еще утешение счастливой концовки – пусть где-то там, за чертой времени и вне кругов мира. Это отнюдь не означает «счастья всем и пусть никто не уйдет обиженным»: в мифопоэтическом пространстве есть все, что есть в нашем обыденном мире и даже много больше – и горя, и радости, – но в нем всегда есть благая весть, дающая, пусть мимолетное, ощущение радости.

Ур-фашизм декларирует постоянную борьбу и войну за будущий «золотой век» для избранных, при этом заявляется о дальнейшем обострении этой борьбы. Получается неразрешимое противоречие: при постоянном обострении борьбы «золотой век» недостижим – напротив, он все более и более отдален, но дело не в этом. Мифопоэтическое пространство призвано даровать если не спасение, то утешение, прибрежице и покой (что не отрицает борьбу). Финал мифопоэтического произведения всегда приводит в тихую гавань, хотя никогда не приводит к счастью, к хеппи-энду. Пусть даже это спокойствие смерти, как в романе «Сто лет одиночества», но это спокойствие всегда долгожданно.

Психология фашизма одержима идеей загора. «Уж сколько раз твердили миру», но идея эта оказалась не в пример бессмертнее призрака коммунизма. Два известнейших романа-предупреждения (но вовсе не аннулопии!), кои разделяет целый век, ярко обрисовали ситуацию, когда такая идея доводится до своего логического конца. Это романы Достоевского «Бесы» и «Маятник Фуко» Умберто Эко. В обеих ситуациях увлечение Планом, поиском Заговора – намеренное или легкомысленное, серьезное или шутовское – ведет к одиночеству, крушению и бессовести, а в итоге и к гибели. Николай Ставрогин и Якопо Бельбо исподволь становятся, к своему ужасу, идейными руководителями этих Заговоров, ибо те, кто ищут настоятельно повсюду заговорщиков, сами становятся таковыми. Для человека свободомыслящего нет ничего страшней, чем попасть в такое идейное рабство, ибо рядом во множестве возникают те, кто жаждет героической смерти и те, кто в героическом нетерпении смерти во множестве умерщвляет других. Вроде бы, герои «Маятника Фуко» занимаются не чем иным, как мифопоэтическим пространством, но в том-то и дело, что пространство это намеренно синкретично. Они возводят даже не башню из слоновой кости, а Вавилонскую башню. Разумеется, она рухнет и многих хоронит под развалинами.

Писанием у Йейтса либо прямым, либо совершенно прозрачным. Также с полным доверием воспринимается автором (он же и герой повествования – рассказчик, вернее, пересказчик) мир народного фольклора ирландцев – без этого доверия невозможно раскрытие основного сюжета книги: бытования традиции как таковой и личной сопричастности ей. Рассказы, между тем, неожиданно пересекаются между собой самым разнообразным способом: то действие происходит в одном и том же месте, то действующие лица одни и те же, то сюжеты рассказов схожи, то мифологические герои, о которых заходит речь, являются в новом – и все же в узнаваемом облики.

Но настоящая связь между рассказами – мифопоэтическая традиция, нечто сакральное, проверяющее на истину само себя, и успешно. Все прочее – и общее и частное – профанное.

Скела (scela) строятся по древнеирландскому принципу вокруг главной, смысловой, раскрывающей ее многообразия. Йейтс изымает из этого круга главную, оставляя лишь комментарии. Почему? Потому что, во-первых, древнекельтская традиция уходит, и речь идет о ее посмертном бытии, жизни-в-смерти. Во-вторых, потому что хочет рассуждать именно о традиции, а она не выражается однозначно, а является именно системой взаимоотношений и взаимоощущений. В-третьих, традиция шифрует и дешифрует сама себя – не найти ни начала, ни конца. Поэтому ценность ее в ней самой, целокупной, самодостаточной.

Так как же найти себя в этой традиции, как освоить это пространство из причудливо переплетенных тропок (рассказ «Зачарованный лес»), населенное оборотнями («Деревенские призраки», «Гайнственные существа») и духами, древними и вечными («Голос»)?

Ответ дается: надо пройти все лестнички-скела, каждый путь, неизбежно ведущий к разочарованию, и тогда эти пути нарисуют середину, ту самую неуловимую точку, содержащую смысл. Где нет ничего – там бог (название одного из рассказов «Сокровенной розы»). Кто должен пройти этими тропами? – Тот, кто разглядит среди видений и встречных лиц вестника сокровенного знания – бога Энгуса. Энгус в различных воплощениях то и дело появляется в рассказах. А уж тогда, если сумеет, то дано ему будет открыть и смысл центральной скела: Красоту. Несомненно, красоту женскую, вечную, угадываемую то в одном, то в другом персонаже как архетип: Мэри Хайнс, королева Мэйв, Этэйн, Елена, дочка мельника из Иинис Раг – все едны. А слова поэта о ней будут Истиной («У обочины дороги»). И поэт многолик: от древних филидов и самого Энгуса, до автора «Кельтских сумерек» и последнего гилмена – Рафтери.

То есть, как и Джойс, Йейтс приходит к женскому началу культуры, но уже весьма определенному, цельному – вернее, знающему о цельном в образах («Королева и дурак»). Самое главное – суметь «видеть так, как видят она».

Таким образом, предназначение человека – быть поэтом, видеть. (У Толкина весь мир был именно предель в «Музыке Айну» и предвосхищен в видении Инуватара). Но конец пути все равно происходит в вечности, и никогда не превзойти земным певцам голосов жителей Золотого века («Золотой век»).

Итак, путь к сакральному центру пространства – путь поэта, устами которого говорит Любовь, которая есть бог. Сила же поэта – во вдохновении, черпаемом из древней традиции народного воображения. Правда, путь поэта – по обочине («Истории о Рыжем Ханхаране»), и окончательный мир с собой он обретает только в момент смерти.

Вывод может быть таков: путь равен пути. Человек равен своему пути. Смысл человека – в самом человеке. Но Йейтс не дает такого прямого ответа. К тому же путь его, хотя и запутан по сути, все же линейен, как путь древнего охотника (или бродячего поэта-гилмена), путь культурного героя, совершающего подвиги по пути своих странствий. Путь связывает наполнение пространства, а не оно определяет путь, что непривычно для человека современности – человека оседлого, Каина.

Продолжая говорить о лабиринте-сети, нельзя не упомянуть о книгах Милорада Павича. Именно у него модель пространства как кроссворда существует не в виде аллюзии, а в виде завершенной модели («Пейзаж, нарисованный чаем»). Павич предлагает множество иных моделей пространства – и все это модели пространства мифопоэтического, ибо создаются человеческим сознанием, накладываясь на бытие как фильтр (словарь, кроссворд, ящик с множеством отделений, клепидра, гороскоп, гадальские карты). Сборник рассказов «Русская борзая» организован по принципу, близкому к принципу организации «Кельтских сумерек».

Мифопоэтическому пространству в творчестве Павича можно посвящать отдельную работу, однако квинтэссенция концепции пространства Павича приведена в романе «Ящик для письменных принадлежностей»: «Душа движется по миру, который содержит в себе» – движется с помощью своих «членов» (их десять). Она концепция, с одной стороны, близка концепции Йейтса о неизвестной главной скела (prim-scela) и скела-лестничках (rim-scela), с другой стороны с представлениями древних цивилизаций

о том, что человек – ансамбль нескольких существ, тела и нескольких душ. Помимо добрых душ, как то интуиция, мысль, фантазия, есть и злые – например, шайтан. Все души слитны («наш сон – это чья-то явь», «наши сны – это паромы, заполненные чужими душами, а тот, кто спит, перевозит их», «сны не стареют... Они единственная вечная часть человечества») в Адаме, Адаме Калдоне или Адаме Рухани, но человечество разделено. Путь – это воссоздание тела Адама, который, однако, целый мир, содержащийся в душе. Реализации пути сборки – это декларируемые псевдоструктуры романов Павича.

Однако, и у Павича присутствуют две неопределенности, присутствующие и у Джойса, и у Йейтса. Неопределенность первая («Ящик для письменных принадлежностей»):

– *Этой ночью я видела тебя во сне. Ты когда-нибудь занимаешься любовью со мной во сне?*

– *Да. Но это не я.*

– *А кто?*

– *На этот вопрос нет ответа. Мы не знаем, кто видит наши сны.*

– *Не пугай меня! Как это нет ответа? Кто даст ответ?*

– *Нужно слушать воду. Только когда вода произнесет твоё имя, узнаешь, кто ты...*

То есть снова обращение к хаосу, водной стихии, где нет никаких имен и есть они все, но в нераздельно перемешанном состоянии.

Неопределенность вторая: ожидание конца света. Только тогда природа человека раскроется. И вывод, сделанный в эссе «Писать во имя отца, во имя сына или во имя духа брата?» – Для идиоритмика, человека XX века, предлагается «Писать во имя Пресвятой Девы Марии». Сиречь тот же выход из лабиринта, что предлагает Йейтс, но с продолжением: «оплодотворение без дефлорации» – Словом, сиречь стремление к богородобию и делание женщины Девой Марией (христианская мифология).

И еще один совет по поводу того, как обустроить свое пространство и инициироваться в нем: «Некоторые... не умеют вести хозяйство, и в доме у них всегда беспорядок. Другие не умеют разобораться в своей душевной жизни и там царит хаос. Все это надо вовремя упорядочить, иначе потом будет поздно. Ибо на этом «потом» кончается всякое сходство между домом и душой» («Пейзаж, нарисованный чаем»). Совет схолен с советом Платона – позаботиться о себе, а также с советом дельфийского оракула: «Поэзия сам себя!»

Так как же выход из лабиринта? Больших обобщений, нежели есть, человечество не знает. Значит, выход из лабиринта остается один: прыжок в ничто, а именно в абсолют, бесконечно удаленный и недоступный. Осуществление такого прыжка предлагается путем не прохождения пространства мифа – где бы оно ни находилось – внутри или снаружи личности – но помещением исторического пути развития человечества в пространство мифа и осознания этого пути через миф. Никакого пути, стало быть, продельвать не нужно – путь уже осуществлен, и длить его таким, каков он есть, абсолютно бессмысленно и даже губительно. Надо переосмыслить его – «метаноизг». Путь не в упорстве, а в покаянии. Не в том вера, чтобы не отступать, а чтобы каяться.

Зачем переменять исторический путь в миф? – Дело в том, что миф дает прагматическую оценку информации, притом объективную, притом полученную от самих же людей, потому что пространство мифа организовано людьми и самоценно, как говорилось вначале. Такова точка зрения автора, чье произведение рассматривается последним.

Выход таков: «...И сам себя судили». Потому что путь истории – путь Каина.

Поэма «Путями Каина. (Трагедия материальной культуры)» Максимилиана Волошина объединяет все постулаты выстраивания и преодоления лабиринтов и ликвидирует лабиринт как таковой, хотя и была закончена в 1926 году.

Бог обитает в центре, в пустоте, где нет ничего, ибо он непостижим. Но, коль скоро лабиринт-источник противоречий в мире, Богом упорядоченном, находится в человеке, то в человеке обитает Бог (ср. у Павича: «на дне каждого сна спит бог»). Коль скоро так, то человек способен к свободному творчеству, конструированию миров и переосознанию самого себя. Но не прежде саможертвы, самоосуждения, по при-меру Бога, ограничившего себя актом творения и принесшего себя в жертву.

Путь Каина и путь древнего охотника-героя отвергаются. Остаются путь Авелия-пастуха, готового отдать Богу самое дорогое без терзаний и сомнений и взамен приобрести любовь ко всему. Путь Авелия – путь Тома Бомбадила во «Властелине колец» и путь Рафтерти в «Кельтских сумерках» – умение видеть за вечной смертью вечную красоту и делать ее бессмертной путем самоотречения, сиречь избавления от всякой нарочитости. Путь Авелия – просто путь под звездами, без всякого центра и периферии, ибо его дом – весь мир вместе с Богом. («Все в себе вмещает человек, который любит мир и верит в бога», Н. Гумилев). Это путь возврата к Адаму, но уже знающему имена и слова, путь к Раю.

Один из наглядных примеров такого проникновения мифопоэтического пространства-«вторичного творения», условно-Объективной Реальности в реальность объективную – это ролевые игры. Игра и жизнь вообще трудно разделить, но здесь речь идет именно о средстве проникновения во «вторичную реальность». Толкин плохо относился к театральной драме как к подобному средству, но одновременно приветствовал драму Феерийскую, эльфийскую. Об игре у Толкина мы ничего не найдем, но, на мой взгляд, нечто общее между игрой и эльфийским спектаклем есть. Проявляется оно в том, что участники игры воспринимают вторичный мир непосредственно и могут реализовать главное стремление человеческой фантазии – желание творить. «Его не унять подделками, будь это невинные, хоть и неуклюжие, погути драматурга или злонамеренный обман волшебника. В нашем мире это желание человек удовлетворить не может, и потому оно бессмертно. Если оно не подпорчено, ему не нужны ни иллюзии, ни колдовство, ни господство, и потому ищет совместного обогащения – не рабов, а товарищей, чтобы разделить с ними творчество и восторг» (Дж.Р.Р. Толкин, «О волшебных сказках», пер. С. Кошелева). Те же выводы звучат в статье наших уважаемых коллег и знакомых из Харькова Алины Немировой и Сони Кагна «Ролевые игры: параллельная реальность и социальная адаптация»: «Итак, по результатам анкетирования можно заключить, что РИ являются вовсе не уходом от действительности, а мощным средством спонтанной социальной адаптации, которая ведет к самореализации через общение, диалог с «Другим», а не через эгоистическое самоутверждение. Максимальная эффективность обучения через РИ хорошо известна и уже исследовалась. Кроме того, ролевая игра образует живую параллельную реальность, активно втягивающую в свой мир подавляющее большинство участников, всесторонне влияющую на них, причем, как показало анкетирование, оно не в отрицательную сторону. Что представляет собой эта реальность, и почему в основном РИ построены на материале Средневековья, покажут дальнейшие исследования». Эта цитата тем основательнее, что подкреплена солидным статистическим материалом, верно математически обработанным.

В общем-то, и без дальнейших исследований (хотя они, несомненно, будут интересны и поучительны) можно уже сказать, что авторитарная ролевая игра – выступают ли в роли агора мастера, как у нас, или эту роль играет спенарий, как в играх-парадах на Западе – становится все менее популярной и уходит в прошлое. На смену ей приходит игра-реконструкция, где Частные Реальности игроков естественным образом приходят к пересечению друг с другом и с предложенной им мастерами условно-Объективной Реальностью моделируемой эпохи. О том, почему этой эпохой стало именно средневековье, смотри в «Заметках на полях «Имени розы»». Умберто Эко: «...средневековье – моя мысленная повседневно...» И еще: «...средневековье живо во мне. Если не как профессия, то как хобби и как неотступный соблазн. Я вижу его в глубине любого предмета, даже такого, который вроде не связан со средними веками – на самом деле связан. Все связано» (пер. Е. Костокович).

В заключение пассажа о ролевой игре, приведу еще одну цитату из эссе Толкина: «... жилец мирной плодородной равнины может с упоением слушать об исхлестанных ветром утесах или о бескрайнем бурном море и стремиться к ним всей душой, ибо душа сильнее и мужественнее слабого, уязвимого тела». О многих участниках ролевых игр можно сказать, что они зачастую, в отличие от жителей мирной плодородной равнины, стремятся к исхлестанным ветром утесам не только душой, но и телом. И, в отличие от альпинистов, не только стремятся телом и душой, но и сами эти утесы (и ветер тоже) с удовольствием придумывают и создают.

Об авторитаризме и, следуя далее, тоталитаризме. Казалось бы, авторский мир диктует свои жесткие законы. Однако вообще для мифопоэтического пространства эти способы существования (режимы) чужды и неприемлемы. Мифопоэтика, как искусство, подразумевает свободу творчества, а для тоталитарного режима невозможно. Однако, как убедительно доказал один из главных, на мой взгляд, героев романа Достоевского «Бесы» – Шигалев, исходя из абсолютной свободы, неизбежно приходишь к абсолютной тираннии. Этим замыканием круга я бы и определил такое весьма расплывчатое ныне понятие, как фашизм. Фашизмом ныне именуют все, что угодно, всё, что им угодно. Мне же такое вовсе не угодно: коли фашизм есть, то у него есть отличительные признаки. Допустив же, что все по-своему правы, и что все, значит, одновременно и фашисты и не-фашисты, весьма легко – из любви к ближнему – допустить и конспирера, и прочие свинцовые прелести фашизма.

Подобный подход, кстати, когда взаимно противоречивые идеи объявляются двумя равноправными сторонами одной Вечной Истины, именуется, по Умберто Эко, синкретизмом. Лев Николаевич Гумилев называет такую идеологию идеологией антисистемы. Говорить так или иначе – суть не в этом. Синкретизм, согласно эссе Умберто Эко «Вечный фашизм», является дальнейшим признаком Вечного Фашизма (ур-фашизма). Согласно учению Льва Гумилева, фашизм есть типичная антисистема. Таким образом, синкретизм, антисистема и фашизм являются собой некое непримиримое целое, с коим

Вот и ответ на вопрос о том, как можно увидеть внутренний мир и как, таким образом, преодолеть то одиночество, которое проистекает от невозможности окончательного самовыражения. В стихотворении Дмитрия Мережковского «Одиночество» говорится:

Чужое сердце – мир чужой, –
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.

В довольно слабом фантастическом романе «Отклонение от нормы» американского писателя Джона Уиндема как выход предлагается телепатия. Для меня такой выход весьма сомнителен. Телепатия может означать переход от языка речевого к языку образов и чувств, но от этого язык не перестанет быть сигнальной системой, которая должна быть понятна всем участникам диалога. Таким образом, что-то все равно окажется невысказанным, хотя такой язык, может статься, и будет богатче.

Мне же выход видится в той самой условно-Объективной Реальности, о которой говорит уважаемый С.М. Печкин. Если Частные Реальности совпадают недостаточно, то их носители попадут в разные миры, различающиеся в том, в чем различается их представление о них. И, словами классика, «каждый умрет той смертью, которую придумает сам». Но даже и в этом случае мифопоэтическое пространство, созданное отдельным человеком, как частное пространство его души (или часть такового), становится пусть опосредованно, но доступно изучению другими людьми, при этом дистанция этой опосредованности (которая неизбежна в виду невозможности полного слияния Частных Реальностей) минимальна.

Кроме того, совместное путешествие (для начала пресловутое «путешествие сознания»), а там и настоящее путешествие) дает возможность лучше узнать своих полутчиков. Цитируя все то же письмо Толкина, «в любом случае, я лично нахожу большинство людей непредсказуемыми в любой определенной ситуации или в непредвиденном случае... Некоторые личности более предсказуемы, нежели другие, или кажутся таковыми. Предсказуемые люди проживают в относительно постоянных условиях, и трудно заставить их и наблюдать в ситуациях, которые (для них) необычны. Это было еще одной причиной послать «собитов» – если рассматривать их как представление о простых и предсказуемых людях в простых и устойчивых обстоятельствах – в путешествие вдали от родного дома в странные края и к опасностям. Особенно если они движимы неким сильным мотивом к выносливости и приспособлению. Хотя и без всяких высоких побуждений люди изменятся-таки (или обнаруживают скрытое) в путешествиях: это факт из обычного опыта без всякой нужды в символическом объяснении».

И еще одно: изучение мифопоэтического пространства, созданного другим человеком, должно безусловно сопровождаться изучением языков и культур, в этом пространстве бытующих. Интерес к эльфийским языкам осознание такой необходимости наглядно демонстрирует. По словам С.М. Печкина, «таким образом, не следует надеяться понять эльфа (*и любого человека, добавлю – примечание А.С.*), пока ты говоришь с ним не на его языке. Просто нельзя быть уверенным, что вы говорите об одном и том же одно и то же. Содержательность любого более-менее отвлеченного разговора мгновенно падает до нуля».

Развитие же мифопоэтического пространства в сторону гипертекста, о котором уже говорилось, превращение его в общее для автора и читателей гипер-мифопоэтическое пространство, гипер-Вселенную, действительно способно вызвать к жизни некую новую (относительно новую, разумеется) форму человеческого общения (какое, напомним, роскошь) и новую общность людей. Такое гипер-мифопоэтическое пространство не только решит в какой-то степени вечную проблему одиночества, но и позволит существовать сообществу плуральному, но в то же время и цельному. Это, вероятно, будет своего рода согласие при необходимом разнообразии, причем согласие полностью добровольное, но и налагающее в то же время ответственность на участников, поскольку они сами и являются конструкторами этого согласия. Идея Толкина, высказанная им в программной сказке «Лист работы Мелкина» (перевод С. Кошелева), начинает приобретать не просто аллегорическое и моральное, но и полностью реальное звучание.

В этом смысле особую значимость приобретает постулат об ответственности автора за каждое написанное им слово, ибо очарование «вторичной реальности» – очарование опасное. Вспомним: от очарования рассказанной истории до очарования власти над людьми – один шаг; в мифопоэтическом пространстве есть тропы, бродить кони не следует. Творчество Профессора – от «Утраченных сказаний» и «Заблтой дороги» до последних писем – яркий пример ответственного и бережного отношения автора к «вторичному творению» и к читателю.

Основные этапы пути – и построения пространства, декларируемые Волошиным, таковы:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.

Глава «Мятеж»,
Евангелие от Иоанна

Стал знаком своеволия –
Прометеем,
И человек создал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

Глава «Огонь»,
миф о Прометее

Каждой ступени в области познания
Отвечствует такая же ступень

Глава «Магия»,
книга притчей Соломоновых

Самоотказа:
Волы вещества
Должна уравновеситься любовью.
И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

«Меч»,
Рим. XII, 19

Язвит и жегет, и будет жечь наш дух,
Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
«Отмщенье Мне и Аз воздам за зло»

«Бунтовщик»

Я призываю вас к восстанию против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданию самого себя.

Единственная заповедь «ГОРИ».

Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь

Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:

Ее источник – Ты!

Бог есть любовь,

Любовь же огонь, который

Пожрет вселенную и переплавит плоть.

Не отдавайте давящему:

Отдайте иному,

Чтоб тот отдал другим

«Космос»

Нет выхода из лабиринта знания,
И человек не станет никогда

Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенным и творцом,

Создай себя божественным и вечным

И плавь миры по льялам душ и вер.

Кто ты,
Что весь свет мир весами суеты
И смысл хулить моих предначертаний?

Весь прах, вся плоть, посенные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?

Сих косных тел алканье и злоба
Личь первый шаг к пожарницам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как я тебя – так ты взыскуешь землю.
Сторая – жги!

Замкнутый в гроб – живи!
Таким мой мир прирмелешь ты?
– «Приемлю...».

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В зверином круге...
... И сам себя судил.

«Суд»

В циклах «Климмерийские сумерки» и «Климмерийская весна» стихи Волошина не столь яростны (ср. «Они сияли яростно и ясно» в «Жельских сумерках»), но пафос из них не уходит, как и ясность и предметность. Человек – создатель и пересоздатель себя и пространства внутри себя – при выполнении простых условий: принимать мир и любить – в том числе и себя – настолько, чтобы самому себя судить по праву. Естественно, речь идет ни о чем ином, как о конструировании собственного сознания, софтвера, как говорит Умберто Эко, о нахождении внутри себя себя самого, Внутренней Монголии, как образно называет эту сугубо личную территорию современный мифотворец Виктор Пелевин.

Мифология должна помочь в этом отыскании, поэтому искать себя следует именно в пространстве мифопоэтическом, поскольку

Мы, возводя соборы космотоний,
Не внешний в них отображаем мир.
А только грани нашего незнания.
Системы мира – слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противоположенных глубин.
«Путями Каинна», «Космос»

Свободы нет, но есть освобождение!
Наш дух – междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дня времен, как пламя.
«Путями Каинна», «Таноб»

Обратная связь мифопоэтического пространства и истории

Говоря о развитии представлений и способов применения и отражения мифопоэтического пространства, мы не можем не констатировать того факта, что, войдя в историю (для начала в историю литературы), мифопоэтическое пространство эту самую историю изменило, то есть стало реальностью не только во «вторичном творении» великих писателей, но и в нашем, первичном мире, в так называемой объективной реальности. В одном из научно-фантастических журналов конца 80-х я увидел одну

любопытную анкету: писателям-фантастам предлагалось составить список, озаглавленный как «Десять книг, которые потрясли мир». Любопытны были, разумеется, не сами списки, а именно заглавие. А способна ли книга потрясти мир? Вот и в Индии, говорят, знают Льва Толстого, однако Дели стоит себе и не трясется, а если и трясется, то уж всяко не от книг Льва Николаевича. Ответ таков: книга способна потрясти мир, но мир читающий. Чтобы доказать это, рассмотрим механику такого потрясения.

Разумеется, начинается все с внутреннего мира читателя, в котором тот путешествует и переживает приключения, порой более яркие и удивительные, чем в мире первичном. При этом возникает следующий вопрос: что это еще за внутренний мир? Кто его вообще видел? И как его можно увидеть, коли «мысль изреченная есть ложь»?

Итак, внутренний мир – это представление читателя о чем-то, его образ мысли, психология. Если книга читается не ради собственно чтения, а ради сбора и обработки информации, то уж представления читателя о предмете (понятии, категории) она в силах изменить, притом довольно сильно. То же самое и с образом мысли: при всем своем упорстве, читатель пользуется какими-то рецептами прочитанной книги. Он по-иному структурирует свое время, по-иному думает о чем-то, по-иному общается. Даже речь его изменяется, обогащаясь цитатами и скрытыми цитатами из прочитанного, а уже одно это влечет за собой изменения в восприятии читателя окружающими, что, в свою очередь, заставляет измениться читателя. Иногда такое изменение бывает довольно сильным.

Итак, книга способна потрясти внутренний мир. А дальше? Что делать с объективной реальностью? Дальше происходит следующее. Все люди хотят путешествовать. Путешествие – это, по словам Толкина («The Letters», письмо 183 к У.Х. Одену, стр. 239–240), «освобождение от растительного состояния беспомощного пассивного страдальца, некое – как бы мало оно ни было – утражение воли и движения – и любовный акт, без которого разум деградирует». Это для читателя. А для автора (см. там же) «это удивительное средство. Оно создает прочную нить, на которую множество вещей, которые он держит в уме, могут быть наизнаны, чтобы создать новое: отличное, непредсказуемое и все же связанное». Проникаясь рассказом автора, проходя дорогами его «второй Вселенной», сиречь мифопоэтического пространства, читатель совершает путешествие, но одновременно он выстраивает это пространство у себя в душе, и оно отлично от авторского, ибо двух одинаковых людей не существует.

(Далее я почти дословно сошлюсь на часть доклада Степана Печкина на II Большом Толкиновском семинаре, проведенном 6 декабря 1995 года в Санкт-Петербурге. Доклад назывался «Общество Российской Эльфийской Дружбы «Херен Элендиллон», его задачи и направления деятельности, фрагменты базовой концепции и некоторые разработки». Единственное, что я себе позволил, так это переставить фрагменты этой части в нужном для себя порядке.)

Как известно, два человека не живут в одном и том же мире. Их миры, их Личные Реальности только пересекаются какими-то частями. Части эти назовем облаками Частной Реальности данных людей. Чем больше это пересечение, тем более эти люди живут в одном мире. Пересечение Частных Реальностей всех людей в мире образует «Объективную» Реальность. Понятно, что объективность ее условна.

Это вовсе не значит, что они становятся одним человеком. Как один человек может что-либо, так, с равным успехом, и не один. Объективная Реальность не существует, пока не воспринимается кем-то, а как только кто-то ее воспринимает, она становится его Личной Реальностью. Если их несколько, и они одинаково видят что-то (вплоть до всего), то совпадают только их восприятия, а не они сами. Человек есть не то, Что Он Видит (изображение, видение), а То, Что Видит (субъект, приемник изображения, видения). С разных точек можно увидеть телебашню на Аптекарском острове без того, чтобы она стала Останкинской Телебашней, или, скажем, Нотр-Дам де Пари. Не секрет, что полностью Частные Реальности не совпадают никогда.

Но нам это и не нужно. Мы удовольствуемся какой-то достаточной частью. Читатель выстраивает в душе мифопоэтическое пространство, и оно с той же скоростью и с той же полнотой реализуется вокруг него. Нужно только терпение и решимость. Старание дает восхитительные результаты, что демонстрирует нам несколько пародийный пример Дона Кихота Сервантеса. Или, скажем, давным-давно из сказок известно, что увидеть эльфа и войти с ним в контакт гораздо легче тому, кто в них верит.

Итак, если одно и то же (с определенным допуском) представление о мифопоэтическом пространстве у группы читателей вызовет достаточно полное перекраивание их Частных Реальностей и образование, таким образом, условно-Объективной Реальности, ведет к массовому переселению данной группы людей в одно и то же мифопоэтическое пространство в одно и то же время.

Скептикам и насмешникам могу лишь ответить: попробуйте опровергнуть такую возможность.

